

ИГОРЬ
МОЩУК

ФАБУЛА

МОНОЛОГИЯ
в двенадцати
меридижах

Игорь Мощук

Фабула. Монология в двенадцати меридиях

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37680376

Фабулаю Монология в двенадцати меридиях – И. Мощук: Геликон плюс;

СПб.; 2018

ISBN 978-5-0098-164-1

Аннотация

К какому жанру отнести беседу двух не совсем трезвых молодых людей, проводящих воскресную ночь в обычной питерской квартире за разговором о любви, боге, творчестве и дружбе? Да если к тому же по ходу беседы выясняется, что один из них пророк, а на второго возложена миссия по спасению человечества... Философская притча? Сравнительное исследование мировых религий? Очередная запятая в споре Платона и Аристотеля или обыкновенное хулиганство? Ситуация осложняется тем, что в относительно недалеком, но уже наступившем будущем руководитель корпорации Новый Вечный Мир окончательно решается устроить преждевременный конец света и теперь давит на подчиненных сроками. Оппонировать ему будут граждане Сиддхартха Гаутама, Иисус из Назарета и пророк Мухаммед. Непременно в стихах.

Содержание

Readme,	5
Фальшначало	7
Меридия первая	10
Меридия вторая	20
Меридия третья	44
Меридия четвертая	100
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Игорь Мощук
Фабула
Монология в
двенадцати меридиях

© Мощук И., текст, 2018

© «Геликон Плюс», макет, 2018

Readme, или Необходимое предисловие

Дорогой читатель, позволь мне первый и единственный раз обратиться к тебе на «ты» и попросить ознакомиться с содержанием этого небольшого синопсиса в качестве аперитива, перед тем как ты приступишь к основному блюду самого романа.

Идея книги родилась у меня совершенно случайно в результате стечения хоть и забавных, но совершенно объяснимых и вполне обыкновенных обстоятельств. Мотивом же к ее написанию послужили кое-какие личные переживания, которые ни в коем случае не носили характер мистического откровения и не являются опытом хоть сколько-нибудь уникальным.

Спешу также заверить тебя, что эта книга не преследует никаких целей, помимо сугубо литературных, и не стремится ничего никому пропагандировать или тем более навязывать. Я ни в коем случае не ставил перед собой задачу подвергнуть сомнению какую-либо доктрину или, к примеру, задеть чьи-то религиозные чувства. Все, с чем ты столкнешься на страницах романа, следует воспринимать как художественный вымысел. Скажу больше: пусть повествование ведется от первого лица, а имя лирического героя совпадает с

моим собственным именем, не стоит понимать прямую речь как личное высказывание или позицию автора. Повторюсь: мы имеем дело с художественным текстом. Не более, но и, надеюсь, не менее того.

Грустно было бы думать, что кто-то может углядеть в книге идею популяризации наркотиков или алкоголя. Это последнее, чего я хотел бы добиться.

Почти у каждого персонажа есть вполне реальный прототип, но фантазия увела меня довольно далеко по тропам художественного вымысла, поэтому о какой-либо биографической достоверности сюжета речи, конечно, идти не может. Что же касается соответствия некоторых имен и фамилий реально существующим людям, то, как ты понимаешь, «все совпадения случайны». Если быть до конца честным, почти всегда я брал в оборот первые попавшиеся инициалы. Просто от лени.

Допускаю также, что книгу будет нелегко читать без некоторого комментария, которым, надеюсь, издание снабдит редактор.

Прости, что отвлек. Приятного чтения.

Игорь М.

Фальшначало

Пройдет много лет, и я, сидя у стены и размазывая кровь по полу в ожидании ментов, буду вспоминать, как Миронов водил меня смотреть на снег.

Дело было на первом курсе университета, наверное, где-то в конце октября. Старшие товарищи устраивали для нас, только что поступивших, вечеринку «посвящения» в одном из наиболее второсортных ночных клубов Санкт-Петербурга. Как именно назывался этот клуб, я не помню. Помню только, что он находился где-то на юге города и пользовался репутацией весьма сомнительной, если не сказать скандальной. Впрочем, сравнивать мне тогда было особо не с чем, потому что никогда раньше я в ночном клубе не бывал. Премьера, так сказать. Событие! По этому поводу на мне красовался навязанный родителем «элегантный» пиджак из потертой свинячьей кожи, украшенный здоровенными серебрястыми пуговицами. Если даже закрыть глаза на тот факт, что этот пиджак вышел из моды лет тридцать назад, он все равно был велик мне в плечах на добрых три размера, и даже я сам понимал, что выгляжу не то чтобы очень презентабельно на фоне своих лощеных однокурсников, многие из которых вели себя столь непринужденно, как будто непосредственно в этом клубе и родились.

Диму Миронова я уже видел на факультете раньше, но на-

ше знакомство до сих пор ограничивалось режимом «привет – пока», и мы с ним еще ни разу не обменялись хотя бы одним синтаксически законченным предложением друг с другом.

Помню, я пил пиво и пытался получать удовольствие от веселой тусовки. Когда крутые парни с нашего курса пошли вместе с крутыми девчонками в сауну (в том клубе, оказывается, была сауна), все некрутые парни почувствовали себя крайне похабно. Лично мне захотелось бесследно раствориться в прокуренном мареве, лишь бы только не отсвечивать на фоне стены вместе со своим допотопным пиджаком и лицом человека, опоздавшего на поезд. Не знаю уж, по каким таким критериям меня в этот момент выцепил Миронов, но его предложение «пойти прогуляться» было крайне кстати. Я только спросил его:

– А куда мы пойдем?

– Посмотреть на снег, – ответил Дима.

В тот вечер действительно выпал первый снег, и его было много. Мы вынырнули из клуба, перевалили безымянный, занесенный свежими хлопьями проспект, прошли еще немного по целине и приблизились к массиву классических брежневских девятиэтажек, до смерти похожих на ту, в которой вырос я сам. У домов этой серии парадный вход расположен на крыльце, к которому ведет небольшая бетонная лесенка. Миронов постоял немного, огляделся по сторонам, словно начинающий воришка, а затем стремительно ныр-

нул под одну из таких лесенок. Вынырнул он оттуда вместе с небольшим прямоугольным пластиковым контейнером. Я уже начал нервничать и сожалеть, что связался с этим странным типом, который, похоже, припрятал тут целый уголовный срок. Я ни секунды не сомневался, что в контейнере наркота. Дима снова осмотрелся, открыл крышку и протянул тару мне. Там оказалось четыре бутерброда. Два с сыром и два с колбасой.

– Я знал, что захочу есть, а в клубе жрать будет нечего, поэтому попросил маму сделать мне пару бутеров. Угощайся.

Я молча взял тот, который с сыром. И с тех самых пор всегда, так же не спрашивая ни о чем, брал у Димы все то, что он мне предлагал...

...Так я хотел начать эту книгу. Но потом передумал. Вы же не обязаны копаться в моих аллюзиях и комплексах с самой первой строчки, правда? Настаивать на этом было бы наивно, а самое главное, совершенно излишне.

Поэтому предлагаю забыть все, что написано на этой странице, перевернуть ее и начать читать книгу заново, но уже в «канонической версии».

Меридия первая

Место и время действия.

Основные персонажи

Короче говоря, пьянка

*Спелёнатые в узкие пижамы,
Затиснутые стенами квартир,
Мы время измеряем в граммах
И сквозь бутылку изучаем мир.*

А. Лобачев

*Санкт-Петербург, Российская Федеративная
Империя, 2089 г.*

О корпускулярно-волновой природе любви мы догадались случайно. Хотя вроде бы эта природа лежит на поверхности и определяется простым силлогизмом: Бог = свет; Бог = любовь → любовь = свет. ЧТД. Из сего следует, что любовь, подобно свету, может в зависимости от обстоятельств проявлять свойства то волны, то частицы. Разумеется, вся система должна, по логике вещей, находиться в постоянном напряженном равновесии, определяемом симметрией между некими волновыми и частотными характеристиками любви. Любое нарушение этого хрупкого эквиполюма гро-

зит устойчивости всей конструкции, что в нашем вещном мире мы воспринимаем как расстройство чувств у одного или более партнеров с последующим полным разрывом либо же постепенной стабилизацией отношений в зависимости от структуры расположения небесных тел.

О том, имеет ли по той же логике корпускулярно-волновую природу и сам Господь Бог, мы тоже задумывались, но, наткнувшись на трансцендентность предмета изучения, как слепой на стену, откатывались назад в пределы горизонта познания.

Два слова о том, кто такие «мы», которых я уже дважды упомянул, но ни разу не представил. Меня зовут Игорь, мне 33 года, я из СПб, работаю в совете директоров крупной компании, живу на севере города, увлекаюсь спортом, книжками и путешествиями. В кино люблю ходить больше, чем в театр, у меня 43-й размер ноги, любимый город помимо Питера – Лондон. Рост 189 сантиметров, вес 85 килограммов (согласно последним измерениям), люблю футбол, друзья считают меня веселым, имею собаку... Вся эту информацию любая половозрелая особь женского пола может почерпнуть на сайте знакомств tamb.ru, если ей вдруг заняться больше нечем, овце тупорылой.

Рядом со мной на диване сидит еще один человек. Он являет собой вторую составляющую нашего коллективного полусознательного «мы», моего диалектического двойника, с которым я одновременно един и противоположен. Этого че-

ловека зовут Дима Миронов. Евангелическую тридцать третью осень Дима пробил хилой грудью четыре месяца назад, вступив, таким образом, в счастливый трехлетний период, свободный, согласно стереотипам, от фатальных цифр и дат. Удобно разместившись на роковой шкале между Иисусом и Маяковским, он шумно затягивается плотным белым дымом из огромного бонга, отодвигая горизонт познания и модулируя частоту волны любви одновременно.

Лицо Димы покрыто сетью нездорового вида прыщей-фурункулов сугубо соматического свойства, нажитых им за последнее время в силу склонности к избыточной работе ума. Таким образом, сквозь его кожу на свет Божий (обратили внимание на каламбур-тавтологию?) проступает изнутри лютая клиническая депрессия. Депрессия эта, по словам самого Димы, не принадлежит строго ему одному, но является неотъемлемой частью его кочующей из тела в тело на протяжении сотен инкарнаций души. В ходе своих скитаний от одной юдоли к другой Димина душа вбирала тяготы и страдания множества людей, слой за слоем формируя ту сложную и ранимую конструкцию, которую сейчас я воспринимаю как личность своего друга. На Мироновском лице, как в зеркале, отпечатались тысячи ошибок, обид и предательств его призрачных предшественников. Вот монголоидного вида женщина удирает из родной деревни в компании лихого кочевника из-за стены, обрекая на верную голодную смерть младшую сестру. Беглянка навеки проклята. Проклятие это

теперь ровным слоем размажется по всему колесу Сансары и на каждом следующем обороте будет отныне пятнать новое воплощение. А вот лесной разбойник, который обещал любимой жене никогда больше не ходить на дело, да сорвался на почве жадности и был убит в кровавой стычке с обозниками через удар топором в лицо. Дима утверждает, что место удара у него всегда ноет перед грозой... Обычно события прошлых Мироновских жизней в его собственном изложении отдают дешевой театральностью и глубоким незнанием исторического контекста.

Я не чувствую бремени предыдущих воплощений. Я вообще ничего не чувствую, кроме мягкого прихода от MDMA, на который сейчас накладывается обычный гашишовый трип. Баланс веществ в моем организме близок к оптимальному для долгого, но неизнурительного загона. Если верить Википедии, один из моих внутренних органов под воздействием MDMA выделяет сейчас пролактин и антидиуретичный вазопрессин в количестве, многократно превосходящем норму. Параллельно с этим под действием канабиола у меня в гиппокампе резко уменьшается циркулирование ацетилхолина, что приводит к уменьшению активности нейротрансмиттера. Если верить ощущениям, мне просто-напросто очень хорошо.

Миронов сегодня появился неожиданно, как и всегда. Просто позвонил и попросил ничего не есть и не пить алко-

голя до его приезда. Эта просьба напрямую противоречила моим первоначальным намерениям, потому что до его звонка я собирался как раз интеллигентно выпить и вкусно закусить в компании других двух своих друзей – Колюши и Сережи. Собственно, весь этот субботний вечер двадцать второго марта 2015 года был спроектирован с единственной целью: вдребезги нажраться виски с колой. Помимо виски (350–400 грамм на рыло), Сережи (1 шт., 59 лет, холост), колы (по литру на брата) и Коли (1 шт., 30 лет, женат) в программе вечера ожидалось мясо из духовки (корейка), картошка отварная, сметана, зелень. Кроме всего прочего, в этот самый день, двадцать второго марта 2015 года, была назначена к показу, а соответственно, и просмотру игра чемпионата Испании по футболу между коллективами «Реал» из Мадрида и «Барселона» из Барселоны, известная каждому, кто отличает голову от жопы, как Эль Классико! Итак, я хочу еще раз резюмировать в обратном порядке, как учит нас McKinsey, чтобы до каждого дошло:

Эль Классико.

Зелень.

Сметана.

Картошка.

Мясо.

Коля.

Кола.

Сережа.

Виски.

Вы можете себе представить, как мне хотелось выпить и закусить? Я уверен, что можете. И тут звонит мне Миرون и просит, нет, требует, чтобы я ничего не пил и не ел до его прихода. Появился он под конец футбола, одетый в штаны цвета отходящих ко сну рисовых полей и закатанный до локтей старый свитер. За Димиными плечами угадывался солидных размеров черный рюкзак, из которого, в свою очередь, торчал просто-таки гигантский бонг. Дима не дал мне досмотреть игру, забрал на себя все мое внимание, долго обнимал, а потом потащил в кухню. Там он немедленно принялся расфасовывать на две равные кучки появившиеся словно по волшебству кристаллы MDMA, долго и тщательно центрируя межевую борозду. Это очень тонкое дело, ведь стоит участникам мероприятия принять сей поистине королевский наркотик в неравных дозах – и чуда единения не произойдет. На обиженные стоны Колюши Дима твердо отвечал, что дозы всего две, а если разрисовать порошок на большее количество дольщиков, то нормативного эффекта не доведется испытать ни одному из нас. Разбодяженные в двух стаканах кока-колы кристаллы издавали веселое шипение – обещающее, влекущее.

– Я совсем не понимаю, зачем некоторые граждане принимают эмку и идут в клуб. Это же медитативный наркотик, – рассуждал тем временем Дима.

– Дикие люди, – скрипя зубами о колу, подтверждал я.

С момента приема заработал часовой механизм. Мы знали, что у нас есть ровно полчаса до прихода и нужно многое успеть. Тон задавал Миронов. Для него вообще характерно целиком и полностью затачивать реальность под себя. Делать так, чтобы пространство было удобно организовано и соответствовало его представлениям о правильном миропорядке. Дима любит, например, приехав ко мне на дачу, наделать небольших комплексных бутербродов и разложить их по всем укромным уголкам дома так, чтобы можно было вкусно закусить в любой комнате, куда бы его ни занесло лихим вихрем вечеринки.

Поскольку Колюша и Сережа плотно засели в гостиной с вискарем и гашишем, мы с Мироновым решили отправиться в кабинет. Следом за нами туда же прибыли два плетеных кресла с таким прицелом, чтобы можно было, сидя рядом на диване, удобно положить на них ноги. Сам диван, обычно стоявший в углу комнаты, выдвинули на середину, и теперь с него образовался прекрасный вид на окно и все то необъяснимое, что располагается за ним. Верхний свет выключили, на столе перед окном зажгли мягкую лампу, сели поудобней, стали ждать.

Я думаю, не существует прихода более мягкого, чем приход от MDMA. Помните сцену из фильма «Хороший, плохой, злой»? Ну когда Клинт Иствуд выходит из бара пьяный всмятку и встречает недобрых ребят. Он вроде вообще

в дым, и ничто не предвещает для злодеев неприятностей. Клинт еле-еле залезает в седло, ковбои смеются над ним, а потом трах-бабах – и нет его... то есть их всех. Моментально кладет муди́л из своего кольта или что у него там за револьвер. Так и с эмкой. Вроде бы ничего не происходит, только бац – в какой-то момент ты осознаешь, что тебе уже очень очень хорошо! Что теплые волны любви, расходясь по твоему телу сверху вниз и снизу вверх, будят сотни миллионов корпускул кайфа, а со всех концов организма поступают приятные сигналы.

Мы с Димой синхронно начинаем ощущать потребность поделиться друг с другом чем-нибудь сокровенным. Он озабочен спасением мира, а я разводом с женой. Сквозь жаркую завесу счастья, которая плотной парчой окутала мое сознание после употребления эйфоретика, я воспринимаю свой развод отстраненно, будто это произошло не со мной, а с кем-то малознакомым или вообще вымышленным, словно герой книжки. Факт расставания с женой я ощущаю не чувственно, а буквенно. Фальшивое горе, печаль из папье-маше. При этом я прекрасно помню, что еще час назад переживал всю ситуацию с разводом очень лично и трагически. Более того, я отлично понимаю, что уже завтра моя тоска непременно вернется, многократно усиленная в полном соответствии со спецификой эффекта, известного из источников как Tuesday blues. Так что официально я тоже в депрессии, но в отличие от Диминой эта депрессия – моя личная,

персональная и индивидуальная. Заработанная в рамках одной-единственной жизни.

Мионов не согласен со мной. Его учение полностью исключает возможность случайного развития событий.

Согласно Диминой теории, которая является не чем иным, как мутным раствором из писанины Майкла Ньютона, «Розы Мира» Даниила Андреева, нейролингвистического программирования и буддизма для чайников, все, что мы делаем, и все то, что случается с нами, – предрешено. Сама по себе мысль не нова. Ее так и сяк трактуют фаталисты всех мастей от банальных католиков до адвентистов седьмого дня и прочей сектантской нечисти. Но из всех известных мне людей только Дима умудрился вылепить свою собственную, одновременно кривую и стройную теорию устройства фатума. Эта самая теория не была бы и вполтину так ценна, если бы подразумевала исключительно слепую покорность судьбе. В чем кайф жизни, если за тебя уже всё решили и твой удел лишь в том, чтобы, сжав в одной руке бритву Оккама, а в другой – червяка сомнений, ковылять в сторону гробовой доски? Поверьте, Мионовское учение относительно жизни и смерти стоит того, чтобы остановиться на нем чуть подробнее, поэтому я с удовольствием поделюсь с вами его основными постулатами, равно как и собственными соображениями на сей счет. Но перед тем как предложить вам ознакомиться с содержанием этого учения, я позволю себе небольшой офтоп, который без сомнения поможет нам чуть луч-

ше узнать самого Диму. Скорее всего, это маленькое лирическое отступление окажется небесполезным для пытливого читателя, пожелавшего разобраться в причинах и последствиях событий, происшедших непосредственно после того, как мой друг нарушил своим неожиданным появлением рутинное течение нашей тривиальной пьянки.

Меридия вторая

Большое видится на расстоянии

*Необычной гранью чуда
Осветил я горизонт.
В никуда из ниоткуда
Солнце нам поклоны бьет*

А. Лобачев

*Санкт-Петербург, Российская Федеративная
Империя, 2089 г.*

В те доисторические времена, когда мамонты еще бродили по Земле, а мы с Димой только-только успели как следует подружиться (то есть году в две тысячи первом), нас с ним интересовали любые формы совместного движения с мячом. Мы обожали футбол и волейбол, но не брезговали даже баскетболом и регби; что уж говорить о таких относительно аристократичных видах, как теннис, который, подобно медведице, бывает большой и малый. В этой истории речь пойдет об относительно большем теннисе. Недалеко от станции метро «Лесная» с незапамятных времен располагается стадион с неизвестным мне названием, на который мы впервые попали по делам футбольным, но сразу присмотрели там же пару симпатичных теннисных кортов, которые вполне сво-

бодно сдавались внаем за деньги. Система оплаты там строилась престранным образом. Нужно было пойти в административное здание, располагавшееся метрах в тридцати от футбольного поля, и заплатить за игру мзду из расчета 50 рублей в час. По этому поводу тетенька из здания выдавала квиток, который следовало предъявить специальному деду в кепке, сидевшему непосредственно рядом с кортом, в знак уплаты мзды и права играть. Все эти детали мы с Димой узнали при первом же посещении упомянутого спортивного комплекса. За день до второго посещения я получил от него входящий звонок на стационарный телефон с просьбой принести на теннис несколько синих ручек разных оттенков. Зачем? Ответ очень простой: Дима предложил заплатить в кассу административного здания 50 рублей за один час игры, а затем подобрать из принесенного набора ручку подходящего цвета и приписать единичку, чтобы играть целых три часа! По поводу столь сомнительного способа устроить невероятное удовольствие от игры с Мироновым я имел ровно три аргумента против, а именно:

- Это мошенничество, а значит, это нечестно.
- Нас могут выпалить, а значит, это опасно.
- Мы все равно не захотим играть больше одного часа, а значит, это не нужно.

Все три этих довода никак не убеждали Миронова отказаться от задуманного. Почему? Давайте попробуем объяснить. Возможно, в качестве побочного эффекта мы получим

исчерпывающее представление о том, как устроена необыкновенная, одновременно притягательная и отталкивающая персона моего удивительного товарища. Ведь, чтобы понять человека, его нужно увидеть и в большом, и в малом. Не так ли?

Начнем с первого пункта. Я ни в коем случае не считаю Диму мошенником. Мне ближе формулировка «носитель альтернативной морали». Многие из того, что кажется вам нечестным или даже незаконным, представляется ему абсолютно нормальным и естественным. Люди, создавшие такую систему оплаты, которую можно взломать с помощью шариковой ручки нужного оттенка, просто не заслуживают иной судьбы, чем быть обманутыми, – так искренне считает мой друг. Верно и обратное: ряд вещей, которые не вызовут у обычного человека никакого этического диссонанса, Миرون считает абсолютно недопустимыми. Его индивидуальный кодекс чести и морали совершенно непонятен посторонним людям, а также обладает свойствами гибкости, изменчивости и вариативности. Ведь, по мнению Димы, в основе любого деяния лежит мотив, и именно он определяет кармическое «итога» каждого поступка. Мы вернемся к этому вопросу позже.

Теперь то, что касается второго пункта – опасности. Все дело в том, что мой друг вообще ничего не боится в привычном смысле слова и при этом боится примерно всего. Любитель наловить перламутровых рыбок в мутной воде, он где-

то вычитал, что выживают только параноики, и начал с тех пор культивировать свою собственную доморощенную паранойю практически по любому мыслимому и в большинстве случаев надуманному поводу, при этом оставаясь бесстрашным, как Дункан Маклауд, в тех ситуациях, когда опасаться, по уму, стоило бы. Дима до смерти боялся отравиться просроченным йогуртом, но без тени страха готов был попробовать любой неизвестный науке наркотик где-нибудь в трущобах Бангалора. Он две недели ходил, снедаемый сомнениями, словно Раскольников: размышлял, стоит ли затеять драку с бывшем мужем своей девушки (который, надо сказать, и правда слыл изрядной гнидой), но, не ведая колебаний, зачем-то угнал у чеченцев идущую в порт машину никуда не годного металлического лома стоимостью аж тридцать семь тысяч рублей! Один-единственный раз, когда я привез Диму в бордель недалеко от метро «Проспект Просвещения», он побрезговал присесть там на тахту, опасаясь подцепить гонококк, зато смело углубился в дебри Бангкока с сомнительной персоной неопределенного пола... да что там пола, я даже насчет видовой принадлежности этого существа не очень уверен. На фоне всего этого Миронов смело пускался в одну рискованную финансовую авантюру за другой, всякий раз истово убежденный в непогрешимости своего плана, а также полностью пренебрегающий анализом потенциальных рисков, налоговым законодательством и фундаментальными законами спроса и предложения. Одним словом, напу-

гать Диму перспективой разборки с дедом в кепке, охраняющим теннисный корт, было бы крайне затруднительно. Куда больше, чем людей, мой эксцентричный друг опасался конца света, экономического краха, зомби-апокалипсиса, вымирания пчел, атаки искусственного интеллекта, прямого попадания метеорита и прочей маловероятной эсхатологии разного калибра. Провозгласив своим девизом нетленную глупость «выживают только параноики», Миронов всерьез озаботился вопросами физической и продовольственной безопасности своей семьи, для чего прикупил травматический пистолет «Оса», а также держал на балконе у родителей презрительный запас тушенки, круп, макарон, туалетной бумаги и почему-то шпрот в масле. Так-то.

И вот мы переходим к третьему аспекту изучаемого вопроса, а именно: нахрена. Зачем приписывать единичку, чтобы играть в этот эрзац настоящего спорта аж целых три часа, если нам обычно и часа за глаза хватало? Мне становилось скучно, а Дима просто уставал. Ответ бесконечно прост: Миронов и не собирался играть три часа. Ему было намного важнее поиметь саму систему, раз уж та подставилась. Именно стремление трахнуть устройство мироздания во всех мыслимых позах и смыслах, от возвышенно-духовных, до низменно-материальных, всегда двигало этим мелко-великодушным человеком. Именно у Димы была на факультете каморка под лифтом, пожалованная ему деканатом за непонятно какие заслуги перед общественным обра-

зованием, где мы в основном пили пиво и играли в преферанс. Именно ему принадлежал единственный на всю факультетскую общагу двухкомнатный номер (и это при наличии городской прописки), в котором мы устроили настоящий первостатейный питерский бедлам. Именно Миронов, работая главой службы мерчендайзеров в крупной колбасно-сосисочной компании, придумал увеличивать продажи, подкидывая колбасы и сосиски непосредственно в полные продуктами питания корзины покупателей супермаркетов без их ведома. А кто, трудясь на ниве предвыборной агитации, получал от штаба кандидата денег на организацию пятидесяти пикетов по всему городу, но делал не более пяти летучих отрядов по 10–12 человек, которые, перемещаясь на метро между точками следования проверки, умудрялись имитировать свое удесятенное количество? Уже догадались, касатики?

Вот таким примерно образом мой дорогой друг Дима и пытался ужиться с реальностью, находясь в вечном поиске лакун, прорех и лазеек в ее отнюдь не безупречной плоти. Вооружившись, подобно шестирукому Шиве, двумя разящими мечами, имя которым «альтернативная мораль» и «бесстрашная паранойя», он кроил и резал мироустройство ровно так, как удобно именно ему. Никакой устоявшийся порядок вещей не был для него догмой, а размышления из серии «мы будем делать так, потому что мы делали так всегда» вызывали только презрение. При этом Миронов очень ува-

жал правила, которые устанавливал сам, а уж личные традиции плодил не хуже английских монархов, что не мешало ему еженедельно менять религию и мировоззрение, заимствуя то и се из разных учений и теорий, чтобы сшить прочными нитками своей безупречной логики этакого философического кадавра.

Есть еще пара вещей, которые необходимо знать о моем друге. Во-первых, он единственный из известных мне людей, кто выделяет мыслительный процесс в отдельный вид деятельности и времяпровождения. То есть у Димы в ежедневнике отмечено, что он с восьми до девяти утра медитирует, а с девяти до одиннадцати *думает*. И это принципиально разные процессы. Обычно люди «*думают*» как бы все время и по ходу какого-то основного занятия, но только не Миронов. Так обычно писали в древних книгах про ребят, вроде Будды, и ему подобных, мол, «предался размышлениям». Например, Ганеша, сын все того же Шивы, лишился головы, охраняя покой отца, когда тот «*удалился для раздумий в пещеру*». Иисус любил отправиться в пустыню для молитвы и уединения, Мухаммад «*рассуждал*» на вершине плоской горы Хира, и никто не смел его тревожить. Я слышал, что Сталин по утрам «думал» в своем кабинете. Каждый день по два часа. У него прямо в распорядке дня так и значилось: «думает в своем кабинете». За этим же подозрительным занятием были замечены Ришелье, Черчилль и Фома Аквинский. Все это звучит довольно естественно, когда речь захо-

дит о пророках, святых отцах и великих тиранах. Но в нашем случае болезненной склонностью к отвлеченным рассуждениям страдал самый обычный страховой брокер из Питера. Странновато, не так ли? Привычка избыточно думать завела бедного Диму в такой запутанный лабиринт абстрактных размышлений обо всем на свете, что наступившая следом депрессия, на мой взгляд, была совершенно неизбежна и без помощи предыдущих инкарнаций. Ведь, преумножая знания, мы преумножаем печали, а преумножая думы – преумножаем скорби. Счастливым может быть только круглый идиот, у которого не хватает мозгов на естественную мрачность. И разумеется, нет ничего удивительного в том, что, долго думая, невозможно надумать ничего хорошего. Особенно если ты параноик.

Во-вторых, Дима так и не принял данность физической смерти во всей ее полноте. Просто не смог примириться с мыслью о том, что когда-нибудь его не станет совсем. Современное мышление, отравленное постмодернизмом, агностицизмом и мультикультурализмом, с той или иной степенью успешности умудряется адаптироваться к мысли о смерти как о чем-то неизбежном и непреложном. Люди, как ни странно, способны в большинстве своем принять трансцендентность как факт, убедить себя раз и навсегда в том, что смерть есть окончательный конец всему, и размышлять о том, что будет «потом», решительно не имеет смысла в силу полной непознаваемости. Наши предки были куда более лю-

бознательны по части всякого потустороннего и вели с ним развернутый диалог, в отличие от нас нынешних, которые способны только поклониться неизбежному и необъяснимо-му. Я не скажу нового слова в культурологии, предположив, что именно страх смерти побудил древних придумать многочисленные версии существования загробной жизни. Египтяне, говорят, сильно радовались и танцевали, когда кто-нибудь из их родственников отходил наконец в царство Осириса. Мол, там прохладно, блэк-джек и шлюхи. Возникает, правда, вопрос, почему же все египтяне весело и с танцами не переходили в таком случае сами собой. Про индуистов с их «удобной религией» и мусульман, которым «с гуриями рай сулят на свете том», вообще говорить не приходится. Во всех конфессиях прослеживается малодушная мыслишка о том, что и после смерти якобы вполне можно устроиться совсем не хуже, чем при жизни, если иметь нужные связи. Втянув носом пыльный и вонючий эрмитажный воздух в скифском зале, я чую перемешанный с хлороформом запах лицемерия, ведь тут у нас, кажется, наблюдается явный конфликт вероисповедания и инстинкта самосохранения. На кой ляд (хм, может, именно в этом кроется ответ на все вопросы и мы имеем дело с происками черта?) мы так ожесточенно цепляемся за земную жизнь, если там, наверху (внизу, сбоку?), настолько зашибись? Сдается мне, что моралистическую составляющую на тему «жить надо праведно» христианские мыслители прикрутили намного позже (ну чтобы подданные

церкви при жизни не шалили), а изначально вся эта загробная канитель была выдумана из элементарного страха перед неизбежным «ничто».

Отлично помню, как и когда я легализовал у себя в голове смерть. Мне тогда было, наверное, лет восемь, а может, и того меньше. У меня до сих пор крайне хреново с определением возраста детей, и я не уверен, что отличу восьмилетнего от двенадцатилетнего. По этой причине, в частности, мне так и не удалось поставить Гумберту Гумберту окончательный внутренний диагноз относительно того, педофил он все-таки или нет.

Так вот, я был совсем маленьким и вполне заслуженно именовался ребенком. На этом основании бабушка читала мне какую-то детскую книжку. Ума не приложу, зачем в детских книжках пишут про смерть. Специально ли это делается, чтобы дети с раннего возраста приучались к мысли о бренности жизни, или тут налицо преступная неряшливость авторов – сие мне неизвестно. Убежден, что доктор Спок на пару с Макаренко всё на этот счет уже давно растолковали. Короче говоря, знакомство с таким основополагающим явлением человеческой жизни, как смерть (хотя очевидно, что смерть не является частью человеческой жизни, так же точно как штанга есть разновидность удара мимо ворот), у меня случилось через посредство детской книжки и бабушки, которая несколько лет спустя личным примером показала, как оно бывает на деле. Я как-то сразу врубился в суть этой

невероятной подставы и много часов кряду неутешимо рыдал, лежа на кровати. С тех самых пор данный вопрос в моей личной картотеке числится под грифом «окончательно ясный». Могу уверенно сказать, что легализовать в своей голове ипотеку через двадцать лет после эпизода с детской книжкой мне было намного сложнее, чем примириться с мыслью о смерти в восьмилетнем возрасте. Ведь в случае с ипотекой есть хотя бы иллюзия выбора. Не знаю уж, почему нашего героя не познакомили правильным образом со смертью в детстве (здравствуйте, меня зовут Дима – здравствуй, Дима, меня зовут Смерть, я жду тебя через много-много лет, а пока расти, взрослей, наслаждайся жизнью и будь счастлив), но смею утверждать, что с этой невеселой перспективой он не примирился до сих пор. Мудрый и наивный одновременно, как наши далекие предки, Миронов так и не смог принять жизнь на основе конечности и неповторимости.

Не убежденный общественным мнением и не сломленный основополагающими догмами, мой добрый друг Дима, решил, следуя своей природе и странному хобби «размышлять», прикинуть, как бы половчее не умереть. А если умирать все-таки придется, то надо устроиться так, чтобы смерть не стала решительным концом фестиваля. Всегда ведь есть какие-то варианты, не так ли? Все же деловые люди, можем договориться. Покажите, наконец, где касса! Дима думал-думал и надумал. Что именно?

Вот тут мы и переходим плавно к самой сути устройства

системы «жизнь – смерть – жизнь», которую Миронов тщательно скомпилировал из множества источников, подрихтовал под себя, прогладил логические швы утюгом пофигизма и выдал на суд товарищей в виде множества разрозненных высказываний там и здесь. Мне, как терпеливому слушателю, близкому другу и прожженному скептику (в школе я увлекался Дмитрием Писаревым и теперь не верю на слово даже Пушкину), досталась изрядная доза этой теории. Я так часто слышал Димины размышления о жизни, смерти и посмертии, что теперь смело могу читать на эту тему цикл лекций для студентов. Что-то типа «Космогонии Миронова» или «Трансфизического устройства мироздания». Третий курс, второй семестр философского факультета, одна лекция в неделю, письменный зачет.

Моя память все же не настолько цепка, а ум не настолько свеж, чтобы детально изложить историю создания Диминого «учения». Вроде бы все началось с НЛП – нейролингвистического программирования. В наш век цифровых, постоянно обновляющихся технологий и инфляции любой информации НЛП успело морально устареть еще до того, как стало модным. Мой же беспокойный товарищ схватил если не самый пик (который пришелся на период нашего студенчества) повальной истерии по этому поводу, то, видимо, лишь начальную фазу ее спадания. То есть каждый встречный-поперечный уже не стремился, взяв тебя под локоток, рассказать про суппозитории... эээ... в смысле, пресуппозиции и

латерализацию мозга, но курсов и мастер-классов по НЛП в нашем городе было явно больше, чем нужно здоровому обществу. Я уверен, что Диму в первую очередь интересовала манипуляторная составляющая этой щеголеватой паранауки. Ведь, став адептом тайного знания, заложенного в нее (ну как тайного – 15 000 рублей тренинг стоил), можно было получить доступ к механизмам успеха и секретам мотивации. Постичь язык тела и освоить магию невербального. Научиться определять ложь по движению зрачков собеседника и скрывать свои собственные эмоции под маской безразличия. Мой друг всегда стремился идти коротким путем. Он, в целом, был убежден, что есть где-то такая книга, в которой правда обо всем на свете нарезана тонкими ломтиками и ее не придется грызть зубами, выдирая крупинки истины из породы наносного шлака ложных смыслов. Ну хорошо, не одна. Может, пять книжек и два тренинга. Помню, курсе на втором Дима заявил, что отныне будет читать только мемуары великих людей и нравоучения Честерфилда. В этот же самый момент я решил не притрагиваться ни к тому, ни к другому. Для себя я выбрал совершенно иной гносеологический метод. Он труден и подразумевает формирование своей собственной, уникальной картины мира и сетки этических координат через внимательное изучение огромного количества самых разных книг. Со временем я утвердился во мнении, что из каждого прочитанного текста, даже очень хорошего, можно вынести лишь моральный императив, общее

впечатление, послевкусие стиля и, если повезет, пару метких идей, которые всерьез резонируют с твоими собственными. Только тот, кто честно покусан пчелами, знает, что такое хороший мед. Так и я, наполняясь по капле чужой мудростью, намешал у себя внутри поистине авторский коктейль.

Дима всегда относился к книге, как к уголовному кодексу, где каждое слово следует понимать буквально. Как-то раз перед отпуском он попросил меня составить список из десяти самых значимых произведений, которые ему просто необходимо прочесть, по моему мнению. Я мучился два дня и составил четыре таких списка. Миронов не одолел ни одной строчки. Идея перекопать двести страниц текста только ради того, чтобы выяснить раз и навсегда, что одеваться нужно с «недешевой простотой», а «боль – это крайняя форма соли», казалась ему начисто лишённой смысла. Вот почему мой друг, идущий вроде бы путем духовного роста, всегда представлялся мне не более чем тривиальным филистером, то есть человеком, лишённым духовных же потребностей. Как ни парадоксально, никакого противоречия это утверждение не содержит, в чем мы непременно убедимся в самое ближайшее время. Не вижу причин, по которым не может существовать, например, безногий сапожник. Дима любит сборники афоризмов, краткие содержания классических книг и обзоры футбольных матчей. Все то, что уже сконцентрировано, кристаллизовано и ужато. Все то, откуда выпарена вода творчества, но оставлена сухая цедра глубокого

смысла. Примерно такими же потребительскими свойствами моего товарища манило и нейролингвистическое программирование. Ведь, насколько мне удалось понять из Мирновских наставлений, НЛП изначально есть не что иное, как универсальная выжимка из успешных практик, слов и дел великих людей, которые, будучи сконденсированы в некую эмульсию и впрыснуты в кровь вместе с дипломом об окончании тренинга, дают аколиту безграничные возможности в области манипуляции другими людьми. Я, как заслуженный скептик Российской Федерации, почему-то всегда сомневался во всем универсальном и безграничном. Еще в университете, помню, делал сообщение на тему «Нейролингвистическое программирование в рекламе». В моем докладе подробно рассказывалось о широком применении методов НЛП в маркетинговых коммуникациях. Концентрические круги на пэк-шотах, специальные слова-якоря, гипнотизирующие интонации дикторов – во всем мне мерещилась чудесная техника внушения и управления потребителем сознанием. Позднее, попав в индустрию рекламы, я кристально ясно осознал, что никакими чудодейственными практиками тут и не пахнет, а на НЛП всем просто-напросто насрать с прибором. Размотав один миф об этой чудо-науке, мне ничего не стоило, пользуясь скальпелем скептической индукции, препарировать ее целиком на тонкие ломтики малоубедительных сентенций и полушарлатанских выводов, притянутых за уши к стержню изначально фальшивой идеи. С чистой сове-

стью поставив НЛП в один ряд с патеризацией, уфологией и прочим оккультизмом, я перестал забивать себе всем этим голову и зажил спокойно.

Не добавлял уважения к сомнительной теории и сам Дмитрий Сильвестрович. Ни единого раза он не смог продемонстрировать мне чудеса манипуляции в действии. На мой скромный вкус, его успехи на ниве промышленного съема девчонок в студенческие годы были в сто раз убедительнее. Без всякой магии, теории лжи и гипноза, обратите внимание. Всё на природном обаянии и врожденном понимании девичьей изменчивой натуры. Альтернативная мораль вкупе с идиотским бесстрашием служили Диме надежными орудиями в непростом ремесле мужской первобытной охоты. Не ведая стеснения и смущения, страха и упрёка, а также морали и закона, мой дорогой друг отважно бросался на штурм очередной достойной фемины. Трофеем в этой битве обычно бывал номер телефона красотки (далеко не всегда красотки, впрочем), по которому Дима почти никогда не звонил. Сам процесс куртуазной беседы интересовал его намного больше результата, а фанатом альковных дел Миронов, по собственному признанию, перестал быть еще в школе. Теперь же, насколько мне известно, половые сношения он вообще практиковать не желал, записав секс в перечень влечений, не достойных того, кто находится на полпути к просветлению.

Ну да я отвлекся. Так вот, Дима ни разу не смог проде-

монстрировать действенность изученных им методов. Я просил его применить какую-нибудь технику лично ко мне или к моим знакомым, но ни разу не увидел результата. Миرونнов объяснял это «эффектом Шпуни». Шпуней звали Димину собаку породы йоркширский терьер и зловреднейшего нрава. По свидетельствам очевидцев, ее не так уж сложно было добыть, если застать врасплох. Но стоило незадачливому охотнику чем-либо выдать свои примитивные намерения, как Шпуня превращался в самую неуловимую дичь на свете. Юркий, как бес, и невосприимчивый к ложным посулам, этот мелкий и слюнявый пес делался совершенно невозможным для поимки даже в пределах небольшой двухкомнатной квартиры, принадлежащей моему другу на условиях ипотеки.

Ровно так же и я, по мнению Димы, постоянно оставался настороже, отчаянно сопротивляясь любой попытке манипуляции с его стороны. Мне, если честно, было глубоко наплевать, пытаются мной манипулировать или нет, но у Миронова на все семь бед был один и тот же ответ: подсознание. То есть сознательно мне, может, и было наплевать, но подсознание мое постоянно бдело на страже границ разума и давало решительный отпор Диминым нейролингвистическим щупальцам. Поскольку подсознание свое я не контролировал, то и отключить этот защитный барьер не мог. А раз так, моя «Звезда Смерти» оставалась абсолютно непроницаемой для его ментальных торпед. Выходила следующая

неприятная несуразность: продемонстрировать мне эффективность НЛП совершенно невозможно по той самой причине, что я как бы постоянно осознаю возможность применения этой технике к себе. Получалось как с тем паскудным электроном, который проявляет свойства то частицы, то волны в зависимости от того, подглядывают за ним или нет. Или как с тем лядским деревом, которое, видите ли, не издает звука, падая в пустынном лесу.

Дима пробовал свои силы и на третьих лицах в моем присутствии. Пытался уговорить моего папашу покатать нас двоих на подводной лодке, разговаривал вкрадчивым голосом с сотрудниками ДПС, упрасивал украинских пограничников не задерживать нас за провоз через государственную границу пятнадцати граммов марихуаны и заставлял Валеру ночью бегать в ларек за водкой. Успехи были относительные: на лодке нас никто не покатал, с ментами и таможенниками всегда в итоге договаривался я, заручившись надежнейшей поддержкой Ерофей Палыча Хабарова, а за водкой наш святой друг Валера и так бегал с удовольствием без всякого внешнего воздействия.

По итогу фестиваля вынужден заключить, что в эффективности НЛП лично меня Диме убедить не удалось. Скорее наоборот, я испытывал лишь раздражение по поводу настоящей массовой истерики, которую он умудрился спровоцировать вокруг себя. В течение очень небольшого отрезка времени Миронову удалось затащить на курсы не толь-

ко свою жену и брата, но и многих вполне вменяемых, казалось бы, людей. Дима в агрессивной манере настаивал на обязательном приобщении к учению всех, до кого мог дотянуться своим ораторским даром. Обещал, угрожал, умолял. Был готов оплатить стоимость моего обучения, лишь бы я прошел первую ступень посвящения и научился вставать во «вторую позицию отстраненности». Или наоборот. Я от него только вяло отмахивался, мотивируя свой отказ «развиваться» нежеланием загонять свое мышление в предписанные рамки. В результате Дима сам махнул на меня рукой, поставив лишь неутешительный диагноз «правополушарный дигитал», что на языке всех духовно богатых людей равносильно понятию «имбецил». Ни капельки не обидно. Мои базовые ценности и интересы не претерпели значимых изменений с тех далеких времен, когда я учился в девятом классе. Миронов (который сам менял вероисповедание каждые две недели) считал такую мою особенность проявлением косности, а я – признаком цельности своего характера. Споры по этому поводу еще много лет тлели в наших сердцах, как угольки, вспыхивая, словно степь в жару, при каждой встрече.

Нет, я не стану отрицать, есть во всей этой нудятине и вполне здравые мысли. Как вам, например, такой тезис: восемьдесят процентов информации передается по невербальным каналам. Мне нравится! Это полностью коррелирует с моим представлением о том, что словам людей следует при-

давать не более двадцати процентов значения. Также само по себе разделение на касты визуалов, аудиалов и кинестетиков я считаю неоспоримым и полезным в практическом смысле. В частности, довольно убедительной кажется мне теория, гласящая что девушки-кинестетички особенно хороши в постели. А выявить их можно с помощью небольшого теста. Состоит он в том, чтобы дать испытуемой в руки игрушечного ежа, который всегда лежит в Диминой машине, и внимательно наблюдать за тем, что она станет с ним делать. Девушка визуалка будет разглядывать, аудиалка попросит рассказать, откуда он взялся, а кинестетичка начнет тискать, гладить и дергать за плюшевые иголки. Вот ее, ненаглядную, необходимо срочно брать за узду и тащить в койку. Олдос Хаксли метко называл таких девушек «пневматичными». Я отлично понимаю, что старый наркоман имел в виду.

После НЛП была «теория воды». Миронов где-то вычитал, что вода содержит информацию обо всем на свете в каждой своей молекуле. Именно вода, и ничто иное, является уникальным носителем «кода жизни», универсальным накопителем неисчерпаемой емкости, на который записана вся история человечества. Записана ли туда еще и география, Дима не сказал, зато показал мне фотографию из Интернета, на которой молекулы воды дружно формировали идеально правильную кристаллическую решетку под звуки Третьей, Героической, симфонии Бетховена. Я, конечно, слышал, что от Шопена у коров средней полосы нарастают удои, но это

хоть как-то можно объяснить себе с биологической точки зрения. Ну там стимуляция центров удовольствия и все такое. Может быть, коровы изнутри устроены столь хитрым образом, что Шопен действует на них примерно так же, как на первокурсницу действует таблетка экстази... А вода почему от музыки выстраивается в шеренгу? Этого я не понимаю. У нее же ни ушек, ни ножек нету. Причем под бравурные ритмы группы Die Toten Hosen она остается такой же хаотической, как и была, падла. То есть всякими колебаниями звука и прочей акустикой дело не объяснить. Именно Бетховена ей подавай, иначе молекулы не встанут в ряд.

Черт с ним, с Бетховеном. В конце концов, все преходящее, а музыка вечна. Я даже готов поверить в магию Третьей симфонии. В этом есть какая-то мрачная красота и мифологичность. Я уже слышу громоподобный шелест крыльев, который издают юные валькирии при токующем полете. Да, мне нравится верить в силу эстетики и магию слова. Борис Владимирович Неупокоев, мой школьный преподаватель истории древней и новейшей, всегда говорил, что в правильно уложенный рюкзак, даже полностью, до отказа забитый всяким туристическим хламом, *всегда можно засунуть еще одну вещь* при необходимости. Данное высказывание, безусловно, противоречит здравой логике и всяким там законам Ломоносова – Лавуазье, но я беру на себя смелость утверждать, что так оно и есть. Практикой подтверждается. В школе мы называли сей феномен «эльфийской магией», свято

верили в ее существование и не задавались вопросом, почему она работает. Нам достаточно было того, что мы умеем ею пользоваться. Борис Владимирович призвал эту странную силу своими словами, словно древним заклинанием. Мы поверили ему, для нас магия ожила и начала воплощаться в форме вполне вещественных последствий. Как? Очень просто: мы научились лучше укладывать свои рюкзаки и ловко использовать потаенное пространство. С тех самых пор понятие «в рюкзаке нет места» перестало существовать. Именно так, на мой вкус, работает тезис о материальности мысли. Так, и никак иначе. Ну не верю я в то, что любое нехорошее слово оседает тонким слоем где-то на ткани вселенной, а потом аукается сказавшему почечными коликами.

Короче говоря, с Бетховеном еще можно примириться. Но Дима пошел дальше. Он уверял, что вода принимает гармоническую структуру, даже если над ней просто прошептать фразу «*любовь и благодарность*». Именно любовь и благодарность Дмитрий Сильвестрович предпочитал всем остальным добродетелям еще с институтских времен, и – о чудо! – именно эти два слова оказались великим водным колдунством! Необходимо отметить: вербальное облагораживание воды оказалось отнюдь не праздным занятием. Зашептанная жидкость чудесным образом приобретала всякие уникальные свойства, а затем принималась творить чудеса и лечить разный насморк и сифилис. Деревенские бабки, передававшие свои волшебные наговоры из поколения в поколение,

веками маялись дурью. Ведь всего два слова – «любовь» и «благодарность», – сказанные над стаканом воды из-под крана (а на газировку действует? А на Perrier?), обеспечивают ничуть не менее действенные лечебные эффекты.

Ну что тут скажешь? В такую магию я не верю! Почему? А в ней нет красоты. Нет древней силы. Она не пахнет ни сырым мхом, ни жарким ветром степи, ни даже паленой кроличьей лапкой. Она не впитала в себя дух дороги и времени. Я чувствую в ней лишь аромат, подобный тому, какой распространяет вокруг себя прекраснотушный и блаженный идиот, застигнутый врасплох окружающим миром. Как правило, это всего лишь запах застарелого пота, несвежего белья и засохшей мочи. Представьте себе на секунду некоего нетщательно вымытого человека, который невнятно бубнит что-то про «любовь» и «благодарность» над своим борщом в какой-нибудь рыгаловке на окраине Питера. Представили? Теперь вы понимаете, что я имею в виду.

Пока мой не закаменелый в своих предубеждениях друг дрейфовал от одной сомнительной теории к другой, я смотрел на ситуацию с улыбкой, но без опаски. В конце концов, Дима закончил физматшколу. Его там научили мыслить широко, а в качестве побочного эффекта привили уважение к преферансу, что лично я ценю намного больше, чем любовь и благодарность. Но наш герой всегда был человеком скользящего контекста, поэтому просто не мог долго оставаться на месте, ограничившись лишь псевдонаучными дисциплина-

ми. Одно цепляет другое. Стимул порождает реакцию. Попав в бурную стремнину событий, любой из нас рано или поздно оказывается в самом центре воронки. Хотел Дима того или нет, но водоворот судьбы потащил его с остервененной неизбежностью напрямик в пучину всего оккультного и трансцендентного, где мой товарищ теперь и погряз без малейших шансов на спасение.

О нет, не следует путать Миронова с теми неопрятными магами, которые, сидя по лесам, обсуждают методы призыва бытовых демонов. Он вовсе не из тех, кто носит пушистые волосы ниже плеч, убранные за плетеный ободок, и бормо-чет в метро защитные заклинания, опасаясь внезапной атаки из тонкого слоя реальности. И он не проводит время, погруженный в магический транс, отстукивая медитативный ритм на большом барабане. По крайней мере, не каждый день. Не рисует пентаклей повсюду, не строит капищ и не жрет летучих мышей. Не практикует жертвоприношения.

В общем и целом, Миронов вполне может сойти за обычного человека. Медицина бессильна ему помочь, потому что не способна поставить диагноз. Для сумасшедшего Дима паталогически нормален, но нормальным человеком его точно не назвать.

Меридия третья

Долгая короткая дорога

*У дороги желтой крошки,
Бывшей прежде кирпичом,
Прям с утра не понарошку
Суд идет над палачом.*

А. Лобачев

*Череповец, Российская Федеративная Империя,
2093 г.*

Так уж вышло, что на том отрезке жизни, который у Димы соответствовал «завершению эпохи воды», а у меня началу развала семьи, мы общались довольно мало. Дело было года два с половиной назад, то есть осенью две тысячи тринадцатого. Он пропадал где-то в Индии, я же погрузился в некий отстраненный тип меланхолии, напоминавший что-то вроде интеллектуальной спячки, а потому демонстрировал задумчивость на фоне общих темпов труда. Нельзя исключать даже и того, что мой организм тогда самостоятельно понизил частоту пульса и температуру тела, не видя необходимости обслуживать вялый мозг согласно штатным нормам расхода. Работал я по инерции, встречи с друзьями приобрели вид, вкус, цвет и запах рутины. Жена уже всю жила своей соб-

ственной, отделенной от меня барьером молчания, но полноценной жизнью и непонятно зачем приходила каждый вечер домой. Мы с ней ложились спать, едва обменявшись десятком фраз, и просыпались в разное время, чтобы не испытывать необходимость разговаривать друг с другом по утрам. Надо сказать, что в таком режиме мы прожили вместе еще почти два года, но наш брак был мертв уже тогда, а внешние признаки жизни мы поддерживали в нем каждый по своим причинам. Я искренне любил свою жену, а она до поры до времени не могла решиться на окончательный расход. Как выяснилось позже, моя благоверная все-таки найдет в себе силы собрать вещи и уехать на съемную квартиру, но только с седьмого раза, а в ту пору мы зависли где-то между вторым и третьим разрывом. Злая ирония: постоянные ссоры с женой лишали меня производительных сил, приводя в крайне непродуктивное и депрессивное состояние. Находясь в этом состоянии, я не мог ничего наладить или исправить в отношениях с супругой. Представьте, что уже несколько лет постоянно живете с температурой под тридцать восемь, а единственный способ ее сбить до нормальной – пробежать без остановки десять километров. Вот примерно так обстояли дела и в отношении нашего брака-диббука, который, как и положено всякому упырю, сосал силы в равной степени у нас обоих, но до поры держал цепко.

Описанными выше обстоятельствами объясняется тот факт, что я не помню практически ничего даже о своей соб-

ственной жизни того периода, не говоря уже о жизни Мирановской. Я знал, что он увлекся буддизмом, но не сомневался в том, что его смирение, пожелай Дима следовать восьмеричному пути, окажется необыкновенно деятельным и практичным. Если можно представить себе беспокойную медитацию или предприимчивую нирвану, то мой друг, несомненно, стремился именно к ним. Мы не виделись полгода или около того. У нас и раньше случались перерывы, такие таймауты в дружбе. Вокруг моего смятенного товарища всегда роилось множество разного рода людей, что-то типа свиты. В зависимости от сезона, времени суток и доминирующей у Миранова в голове идеи менялись и персонажи, но большинство из них растворялось в прошедшем времени, как в кислоте, так что моя память сохранила только их общие очертания, неясные контуры. Самых близких я в шутку называл апостолами. Они держались дольше других и непременно оставляли новый след на Диминой многоцветной душе, но в конце концов ветер перемен срывал их и уносил куда-то назад и вверх.

Сложно сказать, с кем именно Миранов предпочитал курить гашиш той мрачной осенью, но я прекрасно помню, что ни капли не удивился, увидев на экране айфона его имя и фамилию спустя шесть месяцев после предыдущего звонка. Выяснилось, что он вернулся из Индии, где проходил курс интенсивной борьбы с собой и собирается теперь нанести визит в Кирилловское, на дачу к нашему общему товарищу Ан-

тоше Лужковскому, куда и меня тоже звали. Решили непременно ехать вместе, совершая таким образом своего рода хадж в этот загородный храм студенческой дружбы.

Лужковская дача за долгие годы стала для меня странным, полумистическим местом. В самой даче при этом не было ничего сверхъестественного, я бы даже назвал ее вопиюще, неестественно нормальной. Проживало там во всех смыслах положительное Антошино семейство в четырех поколениях плюс две разнополые собаки. Сам же Антоша с женой и детьми гнездовался в Кирилловском исключительно летом, зиму предпочитая проводить на Бали.

Специфическое отношение к летней резиденции Лужковских сформировалось у меня под действием повторяющихся обстоятельств. Я приезжал туда только ранней весной и поздней осенью, тем самым открывая и закрывая загородный сезон. Сам же сезон, то есть лето, я с самого раннего детства проводил неизменно на своей собственной даче в Белоострове. И никакими средствами нельзя было заставить меня покинуть эти пенаты. Белоостров стал моим местом силы, пристанищем, Огигией и Итакой одновременно. Туда я стремился всей душой каждые выходные с мая по сентябрь, там оседал, сливаясь с землей, будто крот, не понятый никем, кроме нескольких дачных фриков, таких же полоумных, как и я сам. Мы формировали когорту, тайное общество, исповедующее веру в то, что по-настоящему счастлив может быть только человек, сидящий ранним июльским вечером на

берегу реки Сестры с бутылкой виски и стаканом. Нас было не так уж много, но мы и не стремились вербовать новых adeptов. В основном составе отряда дачников-фетишистов состоял, например, уже упомянутый Колюня, а упомянутый Сережа выбрал Белоостров в качестве места постоянного базирования в силу причин экономических. Тяга к природе и гамаку просыпалась у меня каждый год в конце апреля, набирала обороты к середине мая, а потом резко пропадала одновременно с началом осенних дождей. И пусть сугубо бытовые характеристики нашего старого деревянного дома не позволяли комфортно ночевать в его промозглых спальнях уже в августе, только к концу сентября я находил в себе силы наконец-таки побороть пагубное пристрастие к Белоострову и рассмотреть альтернативные варианты досуга.

В силу указанных выше особенностей моей психики попасть к Антоше в гости именно летом мне не удалось ни разу за почти двадцать лет дружбы. Я никогда не был у него в погожий июльский день, когда пламенеет красная смородина, а яблоки еще кислые. Нет. Я приезжал в Кирилловское только в эпоху черноплодки, когда мир уже немножко кончается. Это время всегда тяжелое для меня, время хандры. Сережа в такую пору обычно уходит в мрачный запой и твердит, что он умирает только осенью, а будь в Белоострове всегда июнь, жил бы вечно. Но лето горит, как порох. Кудряшов говорит: «Стоит мне в мае пойти с собакой погулять, как уже октябрь на дворе и вас тут нет никого». А осень такая длинная, ка-

кой никогда ее не ощутить, глядя на мир из окна городской квартиры. Время в тех местах мнется и ломается год от года, день ото дня. Я много думал об этом и спаял все мысли в один утробный стих¹.

Антошина дача для меня – безотрадное место, куда я приезжаю прощаться с летом. Там едят уже осеннее мясо с прикусом прелых листьев, ходят всегда в резиновых сапогах и куртках, топят баню и разуваяются при входе в дом.

Как известно, сентябрьская погода бывает двух типов, которые мне одинаково неприятны. Бывают дни пасмурные и дождливые, честно злые, словно африканцы. Вся эта мерзкая морось, способная навеять тоску даже на слабоумного оптимиста. Что уж говорить обо мне – мрачном меланхолике, который лишь маскируется под сангвиника, стараясь создать социально приемлемый образ своей персоны в гла-

¹ Вечер пятницы, из электрички На перрон сочтется народ. Белоостров – конец переклички Старых станций из года в год. В жарком мареве Биржевая Дожирает остаток дня, Изогнулась у самого края Подстерегает меня. А под дохлой черемухи сенью Будни нервно сдают пост, Это мост из сейчас в воскресенье В мое детство Калинов мост. Асфальтовой линией плавной Сквозь череду лет Пролегла улица Главная, И главней для меня нет. Перекрестки дорог и случаев, И судьбы каждый год на вес, А здесь все и всегда к лучшему, И отсюда виден лес. А на небе мятежное облако Отбилось от стада вдруг, Ветер чуть протащил его волоком И снова пошел на круг. А еще через час и три четверти, Или через семьсот грамм, Стало вдруг сыро и ветрено, Будто море пришло к нам. Издалека об железо Колес поезда лязг и стук Когда черти из ада лезут, Вероятно, такой же звук. А еще через две нольпятаули Разговор сам собой стих, Часы встали и вспять повернули, Нас оставив с собой одних. Время вынуло ногу из стремени, Часовые часов спят, И вот в эту минуту безвременья Можно с вечностью встать в ряд.

зах окружающих. Другие дни, наоборот, солнечные и холодные. Они отличаются так называемой повышенной прозрачностью воздуха, многократно воспетой поэтами. Эти тоже не милы мне. Они лживо добрые, словно тайцы или индонезы, которые с улыбкой на лице постоянно ищут способ тебя обмануть. Я ощущаю такие дни как насмешку над летом, как попытку природы раздражить мои воспоминания о таком недавнем июле, когда можно ни о чем не печалясь лежать в гамаке с миской черешни и кальяном.

Тот день, который мы наметили с Димой для поездки в Кирилловское, был дуальным, словно сердце красавицы. Я сел в электричку на Удельной под проливным дождем, а уже в Зеленогорске лицемерное солнце вылезло из-за благородной тучи и блестело теперь на мокрой крыше вокзала обманчиво теплыми бликами. Мы договорились, что Миرون подхватит меня в Зеленогорске и мы вместе продолжим наш путь к месту погребения лета, на Антошину дачу.

Дима по своему обыкновению долго тряс мою руку, улыбался и смотрел в глаза. Калибровал, наверное. Сперва решили зайти в магазин. Лужковские были то ли вегетарианцы, то ли еще какие извращенцы от еды, но с некоторых пор перестали кушать мясо и пить алкоголь. Они утверждали, что пища должна быть благой, то есть сделанной с любовью и без насилия. На практике это означало следующее: меня будут кормить кускусом, тушеными овощами и другой невкусной флорой, если только я сам о себе не позабочусь. Я подумал,

что хочу зажарить с любовью пополам большой кусок коровы и съесть его на благо самому себе. Аминь.

В алкогольном отделе случился конфуз. Дима сообщил, что принял очередной зарок – контракт со Вселенной, – строго предписывающий ему полный и окончательный отказ от спиртного. В случае нарушения зарока последствий было бы не избежать. Мироздание накажет. Уууууу. Я не удивился. За последние несколько лет мой друг опутал себя целой паутиной различных зарок и правил. Он отправлял в космос непреложные и ненарушимые обещания взамен на чудеса. При этом меня не покидало ощущение, что там, в эмпиреях, действует что-то вроде арбитражного суда, где можно выиграть дело о нарушении зарока, если сумеешь найти какую-нибудь лазейку в формулировке. Например, один из Мироновских зарок звучал так: «Если меня сейчас отпустят менты и я не попаду в тюрьму, обязуюсь никогда больше не курить марихуаносодержащие вещества на территории России, кроме тех случаев, когда мне нужно сниматься с более тяжелых наркотиков». Менты Диму тогда отпустили, и он действительно перестал курить, но постоянно задавался разными вопросами. Считается ли JWH марихуаносодержащим веществом? Можно ли покурить в поезде Санкт-Петербург – Симферополь, если знаешь, что до пересечения границы с Украиной не собираешься из него выходить? Казалось, что при наличии на небесах хорошего адвоката можно давать зарок, почти не опасаясь последствий.

Я неожиданно осознал, что на предстоящей вечеринке мне будет просто-напросто не с кем выпить. Какой конфуз! А ведь раньше Миронов умел выпивать. О да! Он делал это истово и беззаветно, словно первый или последний раз в жизни. Много, вдохновенно и однообразно тостовал, а затем, надрывшись сверх всякой меры, делал ровно семь шагов на север и падал...

Мы выехали из Зеленогорска около пяти вечера через западные ворота. Дождь окончательно перестал, но полностью забыть его недавнее присутствие не получалось – мир вокруг выглядел болезненно мокрым и блестящим. Миронов сказал, что знает короткий путь до Кирилловского, и мы решили пренебречь банальностью трассы «Скандинавия» в пользу малоизученных сельских дорог.

Диалог не ладился. Взаимно разделяемых интересов у нас отродясь не водилось, мы с первых лет общались только на отвлеченные, общечеловеческие темы. Наши беседы обычно бывали так же абстрактны, как книжка Витольда Гомбровича, которую я пытался читать по пути в Зеленогорск. Попробовал заговорить о своих проблемах с женой, но быстро понял, что Диме это не очень интересно. Нет, он внимательно слушал и даже пытался давать советы, но я видел, что мыслями он далеко. У меня было такое чувство, будто мы с Димой знакомимся заново. Мой друг существовал очень быстро. С ним за две недели происходило столько событий, сколько с другими людьми не случается за год. Это фено-

мен я назвал «необыкновенной плотностью жизни». Дима находился в постоянном режиме метаморфозы, ртутно меняясь чуть ли не ежедневно. Очень часто я ловил себя на мысли, что не виделся с ним всего несколько дней, но передо мной теперь совершенно другой человек. Что уж говорить про полгода. Мы ехали почти молча, обмениваясь малозначимыми словами, которые без малейшего эха полностью растворялись, едва произнесенные. Мы словно принохивались друг к другу. Я чувствовал себя константной, неким ординаром, относительно которого можно измерить уровень наводнения в Диминой голове. А сам Дима как будто пытался понять, кто же сидит рядом с ним. Есть ли смысл вообще разговаривать с этим человеком?

Только когда мусорный лиственный лес стал сменяться почти карельскими песчаными откосами, я решился спросить Миронова, где же его носило. Общие знакомые сообщали, что он ездил в Индию с целью молчать неделю, сидя на полу в каком-то монастыре. Я поинтересовался, чего это ему в Питере не молчит, и получил короткий ответ:

– Випассана.

– Что за нахрен? Просто сидишь на полу и молчишь, как Герасим?

– Да там вообще не про молчание, бред это все. Я тоже сначала так думал. Когда записывался, ничего про випассану не знал, кроме того, что надо молчать. Вроде как история про мужество и преодоление себя. Оказалось, это история

совсем про другое. Там вполне можно разговаривать и даже нужно.

– В чем тогда пуля?

– Это психотерапевтическая практика. Ее Будда придумал лично. Вся суть в том, чтобы наблюдать за верхней губой.

– Верхнюю губу не видно, – пошутил я, скосив глаза вниз, – хер понаблюдаешь.

– Мысленно наблюдать. Первую неделю практики нужно по десять часов в день фокусировать внимание на движении воздуха в районе верхней губы. Не знаю, почему именно там. Может быть, это особенно чувствительное место, не покрытое одеждой.

– Зачем? – лично я всегда считал другое место наиболее чувствительным. Можно ли его понаблюдать?

– У нас есть два типа базовых реакций. Первая – реакция желаяния (Дима сделал движение рукой к себе, как бы загребая что-то): «я это хочу». Вторая – реакция отрицания (жест отталкивания): «я этого боюсь». Первое есть источник страхов и фрустраций, второе – источник неудовлетворенных желаний. И то и другое приводит к страданию. А страдание определяет отсутствие счастья, к которому стремится любой человек. Счастлив и свободен только тот, кто ничего не боится и ничего не желает, то есть находится в состоянии наблюдения. Випассана учит наблюдать. Ты начинаешь с верхней губы и концентрируешься на ней. Кстати, довольно

тяжело несколько часов кряду сидеть на полу и концентрироваться на губе. Реально непростая работенка. По крайней мере, самая тяжелая из тех, с которыми я сталкивался. Но если получится, начинаешь ощущать свою губу будто бы со стороны, абсолютно отстраненно. К концу первой недели у меня получилось. Когда этот навык закреплен, учишься наблюдать все свое тело, начиная с макушки. Как бы нарежешь себя на концентрические круги и мониторишь их один за другим, один за другим (движение рукой сверху вниз по лицу).

Мы остановились на абсолютно пустынном перекрестке двух асфальтовых дорог. Во все стороны простирались небо и лес, визуальное сочетание в пропорции один к четырем. На одной из обочин, в углу, образованном двумя недошоссе, была вкопана деревянная конструкция в виде увенчанного крышей креста. Не знаю первоначального предназначения этого объекта, но проезжающие устроили вокруг него импровизированную свалку. Там, на продуваемом семью ветрами перекрестке, я и поссал. Позволил себе роскошь задумчивого взгляда в прозрачные сосновые дали и вернулся в наш «Джаггернаут» японской сборки.

– А зачем это нужно то? – из Диминого описания мне показалось, что молчать неделю было бы намного полезней, чем заниматься випассаной.

– Понимаешь, – ответил Миронов, – все говно, которое в нас есть, оно из детства. Человека в детстве напугала соба-

ка – ну просто облаяла. Он потом всю жизнь подсознательно боится собак, не заводит сам и детям своим запрещает заводить, рационализируя фразой: «А кто за ней будет ухаживать, а?» – эту фразу Димон сказал противным таким голоском, пародируя напуганного в детстве человека. – А собаки, сам знаешь, они благие создания и общение с ними делает человека элементарно лучше. Психотерапевтическое воздействие. У ребенка, росшего рядом с собакой, элементарно меньше шансов по жизни стать мудаком, понимаешь.

– Так-так, – говорю я, думая, что сам вырос без собачки и даже без морской свинки.

– Когда человека в детстве пугает собака, это формирует в его голове устойчивую программу: собака – плохо. В НЛП это называется «якорь», – я закатил глаза. – Сознание и тело связаны неразрывно. Все, что происходит в сознании, отражается на теле, и наоборот. В здоровом теле – здоровый дух. Соответственно, все якоря так или иначе цепляются за разные участки нашего тела. Когда отработываешь на випасане эти участки, переводишь их в режим наблюдения, программы разрушаются. Это называется «коллапс якорей». С помощью такой техники можно избавиться от всех комплексов, страхов и привычек нехороших. Укрепить слабые чакры. Можно даже точку сборки сместить повыше.

– Сильно выше? – я решил, что немного сарказма не повредит.

– Не знаю, но можно, это точно. У всех этих буддийских

монахов режим полного наблюдения, тотальный ом. А точка сборки прямо посреди лба. Они полностью отстранены, все в дзене. В отдельных случаях некоторые из них могут полностью отрешиться от всех реакций, в том числе и физических. То есть монаху, который лет двадцать практикует випассану, можно гвоздь в руку забить, и он ничего не почувствует, а просто отнаблюдает это.

– И как, получилось у тебя перейти в этот режим? Тебе можно в руку гвоздь вбить? – внутренне я уже смеялся в кулачок

– Гвоздь нельзя, но к концу второй недели я пошел смотреть на сосны. И мне удалось войти в режим наблюдения. Буквально на минуту, но я сразу понял, что именно произошло. Совершенно новое ощущение. Мир как будто изменил режим резкости. Все равно что переключить аналоговую картинку на цифровую. Необыкновенные ощущения. Такое чувство, словно ты вылетел из своего тела и смотришь на все по телеку. Я не научился фиксировать состояние равновесия надолго, но теперь это лишь вопрос практики. И самое главное: я нашел путь к просветлению. Абсолютное наблюдение и есть просветление.

– Просветление это типа нирваны? – я припомнил популярный буддизм и начал тихонько напевать: *with the lights out it's less dangerous, here we are now, entertain us...* Просветление было, пожалуй, *too much* даже для Миронова.

– Просветление – это обретение сплошной памяти. У нас

в голове два полушария, – («Как и у жопы», – подумал я), – правое и левое. Правое полушарие отвечает за логику и рациональное мышление. Левое – за интуицию, вдохновение, мистику, восприятие. Все озарения, предчувствия и неожиданные идеи – оттуда. Почему? Очень просто! Именно в левом полушарии происходит накопление опыта наших прошлых воплощений. Жизнь за жизнью. Проблема в том, что там просто нет аппарата системной работы с этой бесценной информацией. Вся логика базируется в правом полушарии. Но между двумя половинками мозга – непроницаемая перегородка, которая блокирует для нашего разума, то есть правого полушария, доступ к подсознанию, то есть левому полушарию. Если перегородку снять – немедленно получаешь выход на память всех прошлых жизней слой за слоем. Это как код к гигантской флешке, где записано все, что ты узнал, понял и совершил за огромное количество инкарнаций. Меня, откровенно говоря, обламывает в следующем воплощении изучать все заново. Я столько времени потратил на понимание основ, что реально не готов еще раз начинать сначала.

– Туда, – я показал пальцем на потолок Диминой «Мазды б», – даже носков не брать.

– Носки и не надо. А вот память надо.

– А я вот слышал, что скоро изобретут такую синюю таблетку, что съел ее и умирать вообще не нужно, как при коммунизме.

– Не, не успеют они. Не при нашей жизни точно. Мы так и останемся поколением людей, ушедшим на тот свет в состоянии предвкушения скорого бессмертия.

Мионов ненадолго замолчал. Мы въехали в классический поселок Ленинградской области, находящийся вдалеке от основных трасс. Здесь старорежимные некрашенные и скособоченные деревенские дома соседствовали с трехэтажными кирпичными особняками. Что из этого выглядело более безобразно, я навскидку сказать не решусь. Поселок располагался вокруг перекрестка той дороги, по которой ехали мы, и той, по которой еще не ездили. Дима признался, что не до конца уверен в правильности нашего пути. Не по жизни вообще, а в прикладном смысле. Я же сообразил, что по «короткой» дороге мы уже едем в два раза дольше, чем занял бы весь путь по «длинной». Мионов попробовал найти верный маршрут в навигаторе, но Интернет в телефоне иссяк. Глушь, Саратов. Карты, само собой, тоже не было на правах рудимента. Решили поехать прямо, сохраняя супружескую верность ранее выбранной дороге.

Вот в этот самый момент превозмогания сельского перекрестка Дима решился и дополнил паззл излагаемой теории самым важным элементом, следуя той логичной непоследовательности собственных рассуждений, которая часто отличает творческих людей с математическим складом ума.

– Ты знаешь, что такое регрессионный гипноз?

– Нет, – ответ получился сухим, как позавчерашний хлеб.

Если честно, я был уже изрядно измотан бесконечной ездой по пустынным проселкам и подозревал, что мы вот-вот окажемся где-нибудь в Приморске.

– Ну что такое обычный гипноз, ты знаешь, верно? Регрессионный гипноз – это погружение в предыдущие жизни. Давно изученная вещь. Людей просят вспомнить, кем они были в прежних инкарнациях, и те со всеми деталями рассказывают про события, о которых и слышать не могли. Называют места и факты, известные только профессиональным историкам. Короче, это вещи уже доказанные.

– Кем доказанные?

– Послушай, можно до усрачки спорить на тему инкарнационной модели. Все разговоры сведутся к тезису о недоказанности перерождения души официальной наукой. А с какого перепоя я должен верить этой твоей науке? Она взгромодила себя на трон главного судьи в споре о том, что истинно, а что ложно, но каждые сто лет делает открытия, которые опровергают ее же собственные основные положения. Есть масса поводов предполагать существование куда более сложной физики, чем твоей высокомерной девственнице науке представляется прямо сейчас. Всего век назад такие, как ты, крестили электрическую лампочку, изгоняя из нее бесов. А еще через пятьдесят лет про реинкарнацию, возможно, будет написано в учебнике по биологии для восьмого класса.

Мне стало скучно. Дима с раздражающим апломбом рассуждал о перерождении души, как о чем-то само собой ра-

зумеющемся. Без всяких обоснований. Как будто речь шла о том, что земля все-таки круглая, а не покоится на слонах с черепахами, плавая по волнам великого эфира. Я вот не готов поверить в реинкарнацию, пока мне об этом по первому каналу в программе «Время» не расскажет лично Екатерина Андреева. Как ни крути, но даже в сугубо буддистских странах про карму и сансару рассказывают на уроках религиоведения, а не анатомии, отправляя эти вопросы в разряд философских, а не физиологических. Что уж говорить про нас, страну агностиков и атеистов, в которой знакомство с восточной философией для большинства граждан ограничивается строчкой Высоцкого: «Хорошую религию придумали индусы...» Захотелось наорать на Миронова, взять его за шкуру и встряхнуть хорошенько, чтобы у него вся аура покраснела, и астральное тело отслоилось от физического. Как мог этот прежде жизнелюбивый парень, гуляка и бабник, превратиться в такого неприятного зануду? Я, конечно, понимаю, почему это произошло. Ясно же, что Дима просто-напросто не готов умирать, что его хитро устроенный мозг будет искать любую лазейку в законах мироустройства, лишь бы самого себя убедить в отвратимости гибели. Пусть не физической, но духовной. Причем бессмертие души по-нашему, по православному, моего беспокойного друга явно не устраивало. Как же так, один раз пожил – и все: либо вверх, либо вниз. Ни тебе переаттестации, ни дополнительной сессии. Как сдал, так и сдал. Ничего поправить нель-

зя. Собирай манатки и тусуйся веки вечные с обоими своими полушариями то ли в аду, где мучительно больно, то ли в раю, где мучительно тоскливо... Если быть до конца честным, то по этому конкретному поводу я с ним в целом согласен. Нездорово как-то получается. Невесело и без куража. Главная проблема христианской веры все-таки состоит именно в том, что она непроходимо скучна! Не захватывает дух, не заставляет мечтать. Монотонно бубнит что-то про покаяние и предлагает всецело предаться воле Божьей. Эхххх... Если бы я выбирал себе религию, то, наверное, остановился бы на мифах древней Греции и Рима под редакцией Н. А.Куна.

Конкретно в православии лично меня еще крайне напрягает метафизический вопрос неопределенности. Если есть умершие грешники и праведники, то где их души сейчас? Ведь страшного суда еще не было, я бы заметил. А раз так, то куда же все отправляются после смерти? Католики хоть потрудились придумать чистилище, лимб и прочие закоулки обетованного, где души могут спокойно почалиться до Апокалипсиса. А у православных этот момент вообще не объяснен по-человечески. Получается, все умершие зависли на паузе невесь где. А ведь есть, например, святые. Что с ними? Они уже в раю по внесудебной процедуре, по сделке со следствием? Везде блат! Или души таки распределяются в места посмертного базирования уже сейчас? Тогда зачем Страшный суд? Может, это как бы аудиторская проверка, которая

должна рассмотреть ранее вынесенные решения? Или там у них Риманов тензор кривизны пространства-времени имеет необычную величину, а потому Апокалипсис был, есть и будет одновременно? Православная система загробной жизни вызывает много вопросов. Но говорить об этом Диме нельзя. Зачем кормить соперника своими собственными доводами в пользу его точки зрения?

– Патриарх Кирилл с тобой не согласен. Он утверждает, что после смерти мы все попадем в ад, если будем плохо молиться. Я ему верю больше, чем тебе, – он по утрам выступает на втором канале, а это государственное телевидение.

– Вот ты умничаешь и не знаешь, что в третьем веке нашей эры был какой-то Собор. То ли Всехристианский, то ли Вселенский. Я в этом не разбираюсь. На этом соборе патриархами было принято решение инкарнационную модель из Библии убрать. Кто знает, что было на уме у парней, которые считали правильным сжигать людей на кострах за инакомыслие... Возможно, в самом известном на свете писании исходно говорилось о том, что человеческое сознание вечно и оно не исчезает бесследно, а перерождается в другом теле. Скорее всего, попы реально что-то намутили. Ведь контролировать народ с помощью страха оказаться в аду с кочергой в жопе значительно проще, чем признать, что жизнь на самом деле не кончается после смерти, а просто меняет оболочку. Кстати, такого места, как ад, вообще не существует. Богу не хочется никого наказывать – он всех любит поголов-

но. А всякие котлы с кипящей смолой и прочее посмертное садомазо – это чисто человеческая придумка для контроля над массовым сознанием.

Дима отбарабанил свою речь с таким звенящим превосходством и осознанием собственной правоты, что не хватило только звука фанфар в конце тирады.

Я тем не менее засомневался в правдивости приведенных моим оппонентом аргументов, как бывало более-менее каждый раз, когда Миронов вдруг начинал оперировать историческими цифрами и фактами. Мой предприимчивый товарищ обыкновенно позволял себе гениальную неряшливость в вопросах, касающихся событий прошлого любой степени давности. Сам Дима по этому поводу ни капельки не переживал, брезгуя в равной степени как официальной наукой, так и общепринятыми представлениями о линейности времени. Мне же отчетливо помнилось, что христианство узаконили только в начале четвертого столетия, а до того у епископов, кажется, были проблемы посерьезней, чем переписывать Библию ради удобства управления быдлом, – им бы самим выжить в подполье. Не уверен, что в те дремучие времена вообще были какие-то Соборы.

Но если уж пускаться в откровенные рассуждения о христианской морали, то следует честно признать: я тоже считаю ее подозрительно удобной с политической точки зрения. Библия предписывает нам смирение и послушание, не так ли? Отдавать десятину церкви и не шалить при жиз-

ни с перспективой обрести покой на небесах. Действительно ловко получается – почему бы не повязать население по рукам и ногам религиозной этикой, если оно само дается? Очень удобный способ держать прихожан в повиновении. Там, где силовые методы оказываются неэффективны, на помощь придут духовные скрепы. Можно, например, посылать в крестовые походы детишек ради вящей славы господней или жечь на костре красивых брюнеток, если вдруг они тебе не дают. И ведь работало! Работало действительно неплохо, но только до поры до времени. Сейчас, сквозь пыль времен, средневековая Европа кажется не чем иным, как ареной непримиримой борьбы церкви со своей паствой за право посредничать в диалоге с Богом. Его высокопреосвященство нам обещал на небе райское блаженство. Покуда жизнью живем земной, пусть похлопочет он за нас пред сатаной.

Началось с ерунды, а потом пошло-поехало. Вальденсы, гуситы, катары, ллоларды, штепсели и тарапуньки. Самым разным народам и племенам стало как бы надоедать, что Ватикан превращает Бога в мелкого рэкетира, который, угрожая адской сковородой, постоянно требует у прихожан всяких десятин и индульгенций. Бог – он же вроде бы по определению должен быть бесплатным и всеобщим, а тут такие дела. Первыми, кажется, взбесились братья славяне во главе с Яном Гусом, который нашим соотечественникам известен только тем, что в его честь называли пиво. Взял и сказал: не буду я вам больше ничего отстегивать, идите все лесом. Я

лучше сяду на гору Табор, обобществлю женщин и предамся блуду... Вот нравится мне история чешских религиозных войн. Красиво работали ребята, жаль, что их всех перебили. Но ведь свою роль в тысячелетней пьесе про раскулачивание римского клира гуситы сыграли на бис, раздув из тлеющих там и здесь угольков народного гнева пожар Реформации по всей Европе. Казалось бы, какой удар по конфессии! Единоверцы истребляют друг друга! Католики режут гугенотов – верный признак кризиса жанра. Вот только христианская мысль всегда умела идти в ногу с историческим контекстом. Лик старушки Европы начал меняться, покрываясь оспинами мануфактур и прыщами крупных городов. Ладно скроенный сюртук нового индустриального общества отчаянно нуждался в идеологической подкладке, чтобы из-за несостыковок по морально-этической части не сильно терло в подмышках. Долго искать не пришлось. Протестантизм будто специально придумали для того, чтобы обслуживать духовные потребности промышленной революции. Эта новая конфессия хоть и предполагала необходимость выработки нормы человеко-часов в рамках земной жизни каждого верующего, зато обещала целый ряд послаблений в обрядовой составляющей культа. Не позволяй душе лениться, лупи чертовку сгоряча, душа обязана трудиться на производстве кирпича. Христианская мораль вывернулась чуть ли не наизнанку, церковь пошла на серьезные уступки пастве, но сохранила свое положение единственного легитимного медиатора на

переговорах со Всевышним...

Задумавшись о роли Нидерландской революции в истории моей семьи, я чуть не отстал от Диминой мысли, которая тем временем с рыси пустилась в галоп.

– Так вот, нашелся один регрессионный гипнотерапевт, – продолжал ранее начатую речь Дмитрий Сильвестрович, – который додумался до простой вещи. Он погрузил подопытного в гипнотический транс и заставил вспомнить предыдущую жизнь, некое событие поближе к концу. Тот вспомнил, а регрессолог ему: «Дальше». Тот вспомнил, что было дальше, и дальше, и еще дальше. И таким образом довспоминался до собственной смерти в предыдущей жизни (Диму явно ничего не смущало в подобной смысловой конструкции). Обычно на этом моменте все останавливались, но Ньютон (как выяснилось позже, про «знаменитого» гипнорегрессолога-хренолога Майкла Ньютона нет даже статьи на Википедии) сделал еще шаг и спросил: «А дальше?» Тогда бывший покойник стал рассказывать про световую трубу и все то, что люди видят обычно во время клинической смерти. Дальше? А дальше было самое интересное. Человек начал описывать некое пространство, где живут души. Ньютон повторил упражнение с другим пациентом, потом еще и еще. Вместе со своими учениками он за несколько лет прогнал через гипноз более пятнадцати тысяч человек. И знаешь что? Это просто охренеть! Все описывали одно и то же, а именно некую параллельную реальность, порталом в которую и служит пресло-

вутая световая труба.

– Рай, что ли?

– Не рай, а скорее что-то вроде огромного университета, и наша настоящая жизнь происходит именно там. На самом деле мы с тобой – высокоэнергетические бессмертные субстанции, которые для простоты можно назвать «душами», воплотившиеся в непрочных телах ради некоторой цели. Не в первый и не в последний раз. В Великом Университете души изучают опыт предыдущих воплощений и готовятся к следующим. Вся суть заключается в постоянном самосовершенствовании и развитии энергетического потенциала каждой субстанции. Между инкарнациями души проходят теоретическую подготовку, а сюда, в материальный мир, их посылают как бы на практику для развития необходимых качеств.

– Каких еще качеств? – я и в земном то университете не получал особого удовольствия от происходящего, поэтому перспектива чему-то учиться еще и на том свете была мне совсем не по нутру.

– Мир Духа построен на идее любви и благодарности, – продолжал Дима, – и главные качества связаны с идеей «отдавания»: милосердие, терпение, самопожертвование.

– Так-так, – говорю, – а зачем нам эти качества тут, на Земле, нужны? Один только напряг от них, – я уже не любил эту новую религию, которая обещала меня опускать на материальные ценности под видом семинара по милосердию

и доброте.

– Так на Земле они тебе в привычном смысле и не пригодятся. Даже наоборот. С обывательской точки зрения, от благородства, бескорыстия и благодарности одни только неудобства. Но именно эти качества востребованы в мире Духа. Там у них целая система – каждая душа имеет цвет в зависимости от степени прокачки качеств. Что-то вроде биоэнергетического уровня. Чем ближе твой спектр к фиолетовому, тем более крутая тебе досталась душа. Эта иерархия очень важна и называется «Великая цветовая лестница». Моя душа голубого цвета. Мне еще два уровня до фиолетового. Следующий шаг – либо слиться с Абсолютом, либо стать гидом.

– Гидом?

– Ну да. Гидами называют крутые души, которые покинули круговорот сансары и больше не проходят воплощения в нашем мире. Есть мнение, что все христианские святые стали гидами, им же соответствуют духи предков в анемических религиях и синтоизме. Короче, все те, кто из посмертия руководят нами или влияют как-то на нашу судьбу. Гидов можно даже назвать стихиялями, или духовными иерархиями в соответствии с канонем Даниила Андреева. Некоторые души, завершив цикл перерождений, решают стать такими вот загробными деятелями. Другие предпочитают сразу слиться с Абсолютом. И в том и в другом случае на Землю больше не нужно отправляться. А все души стремятся именно к

этому – избавиться от необходимости вновь умирать и рождаться. Для души воплощение – это настоящая пытка. Кто же захочет быть заточенным в темницу плоти, а потом много лет жить тварно и вещественно? Но без этого никак – качества-то надо развивать как-то.

– Ааааа, – протянул я, – понятно. Как же без качеств то? Без милосердия и без терпения. У нас тут как раз все заточено под это дело.

Я задумался о том, насколько корпоративно устроена система этого самого Ньютона. Придумал там, на небесах, иерархию и цветовую дифференциацию душ, чтобы хомячкам было проще понимать устои веры. Все секты устроены по принципу движения по служебной лестнице. Даже в смирении люди должны видеть карьерную перспективу. Чем лучше смиряешься, тем фиолетовой душа. Если будешь очень терпеливым и милосердным, могут даже продвинуть до гидов и перестанут раз за разом ссылать в какой-нибудь Салехард. Мне вспомнилось, что у христиан вполне официально существует иерархическое деление ангелов: ну всякие там серафимы, херувимы, престолы и власти. Этой системе у демонов соответствует своя какая-то многоуровневая организационная структура, согласно которой Бафомет, видимо, главнее Баала и может на него плевать. А если есть иерархия, значит, должен быть и регулярный менеджмент со всеми вытекающими нормативными документами, регламентами и служебными записками. Кто-то очень прозорли-

вый придумал выражение «небесная канцелярия»...

– Знаешь, у кого из наших самая крутая душа? – вывел меня из бюрократической задумчивости Димон.

– У кого же?

– У Валеры. Валера вообще зондер-душой обладает! Вот он ближе всех нас вместе взятых к Абсолюту.

Не стоит обманываться в данном случае применением слова «зондер». Дима даже понятия не имел о том, что такое «зондеркоманды» и какой сомнительной славой они покрыли себя в холоде Аушвица. Не читал мой товарищ мемуаров фашиста Хесса, не вникал и не хотел вникать в этимологию. Услышанное от кого-то, это словечко невесть как закрепилось в Мироновском лексиконе и стало частью самодельного сленга, который заменял моему другу литературный русский язык. Таким образом, обидеть нашего дорогого товарища Валеру Дима совсем не желал. «Зондерами» он называл всех тех, кто добился значимых успехов и мог быть примером для подражания в какой-либо области. Самым главным «зондером» современности считался Путин. Что же касается Валеры, то имею сказать следующее: психологический портрет этого прекрасного человека, несомненно, поможет любопытствующему гражданину в полной мере осознать суть цветовой иерархии душ.

Мы познакомились с Валерием Николаевичем Рыжовым на одном из вступительных экзаменов в университет, и он сразу поразил меня манерой беспрестанно улыбаться, а

также огорошил заявлением, что собирается стать вовсе не менеджером по маркетингу, а батюшкой. На вид он был высок, худ, бледен, востронос и благолепен, как Иисус у Тициана. За прошедшие с момента нашей первой встречи семнадцать лет Валера заработал стойкую, как запах хлорки в бассейне, репутацию добряка, весельчака, вернейшего товарища и кромешного распиздяя. Его отличала практически полная индифферентность к мирским проблемам, а также заразная манера не заморачиваться по пустякам. Он ходил в длинном плаще, какие вышли из моды еще до нашего с ним рождения, а в руке носил дипломат, который обыкновенно бывал совершенно пуст, если бы не одинокая бутылка портера. Николаич (так мы называли нашего друга) имел свойство легко расставаться с предметами быта и не испытывал по этому поводу фрустраций, оставляя за собой след из потерянных ключей, документов, телефонов, зарядок, носков и запонок. Не склонный к рефлексии, он с хрустом проглатывал мелкие житейские неурядицы вроде заваленных экзаменов и всегда готов был принять друзей в доставшейся ему по наследству от бабушки двушке на задворках питерских окраин. Там, напившись сверх всякой меры поддельным вермутом, мы рассуждали о роли бога в жизни каждого из нас, и Николаич не раз признавался, что видит себя в большей степени столпом света, чем человеком, а еще умеет вылетать из тела, погружаясь в молитву. Обладающий сенсорным восприятием добра и зла, он сторонился нехороших людей и

тщеславных замыслов. Блаженная простота нашего товарища была заразительна и приятна, поэтому Валера жил, окруженный доброжелателями, на лицах которых отражалась его странноватая улыбка, как бы говорившая всем на свете: «А вам не кажется, что нас где-то наебывают?» Мы с удовольствием прощали Николаичу его тихие странности и радостно разделяли мелкие бытовые неудобства, которые неизбежно возникали там, где он оказывался. Легкая святость этого необычного паренька в допотопном плаще была очевидна для всех. И пусть трактовка этой святости колебалась у разных людей в диапазоне от «красавчик» до «малахольный какой-то», Дима был, несомненно, прав в одном: на невидимой шкале близости к любому возможному моральному ординару Николаич давал сто очков форы кому угодно из нас. Я не готов обосновать этот тезис доказательно, но интуитивно убежден в его непреложной истинности. Любви и благодарности у Валеры всегда было столько, что можно солить и запасать на зиму.

Забавно бывало также наблюдать Диму и Валеру вместе. Если, к примеру, затевалась какая-нибудь вечеринка, я обыкновенно садился на диван в гостиной комнате со стаканом и сохранял в общем и целом неподвижность. Друзья же, напротив, двигались весьма много, но как-то совершенно поразному. Миронов, единственный из нас, кто имел представление о том, как должен выглядеть окружающий мир, занимался организацией пространства. Он выдвигал журнальный

столик на середину комнаты, доставал из необъятных недр своего рюкзака ароматические свечи и зажигал их, ходил туда-сюда из комнаты в кухню и назад со стаканами и тарелками, куда позже выкладывал морскую капусту и консервы из печени рыб тресковых пород. Валера также постоянно перемещался, но делал это без всякой видимой цели и смысла. Он бессистемно переходил из одной комнаты в другую, почесывал затылок, стоял некоторое время просто так, а затем направлялся, например, в кухню. Подобное броуновское движение могло продолжаться довольно длительное время, пока наконец все мы не упокаивались за столом, приведенные к единому знаменателю каким-нибудь недорогим коньяком.

Вспомнив о нашем блаженном друге, я, как всегда, заулыбался. Вот она – настоящая магия. Такой владеют лишь единицы. Есть люди, о которых просто приятно подумать и порадоваться, что они все-таки существуют на свете, живя вопреки специфике внешней среды, которая диктует нам исключительно злые помыслы и намерения. Я даже немного внутренне примирился с новой Диминой религией. Не так уж она и плоха, если высоко котирует Николаича. Один важный вопрос тем не менее оставался невыясненным: кто таков загадочный демиург у Мироновской вселенной и каковы его технико-тактические характеристики?

– А что за Абсолют такой? Это Бог? – для столь фундаментального вопроса обстановка была не совсем торжественной,

но Диму это ни капли не смутило.

– Можно и Богом назвать, но тогда это единый Бог. Не христианский и не Аллах, а всеобщий Бог – Абсолют. Из него самоизвлекаются души. Но они сначала слабые, блеклые, и Абсолют отправляет их, новорожденных, в Великий Университет. Потом души, прокачавшись через земные воплощения, возвращаются назад, сливаясь с Абсолютом, делая Абсолют сильнее. Вот воссоединение с этим единым духовным началом и является конечной целью каждого из нас в бесконечной череде перерождений.

Я, конечно, всегда знал, что любая теософская беседа с Дмитрием Сильвестровичем заранее обречена на безыдейность по причине его глубокой дремучести в гуманитарных вопросах. Все-таки, если уж ты взялся презентовать нового Бога, постарайся быть поубедительней в деталях, а то рискуешь потерять адепта еще до первой мессы. Абсолют мне совсем не понравился. Рождает души, заставляет учиться неведомо сколько жизней, откармливает (от слова карма), а потом поглощает себе на пользу, как я ту корову, возвращенную на зерновом питании. Какой-то спиритический каннибализм получается. Да и сама идея не совсем уж нова. Ей примерно две с половиной тысячи лет. Перед моим мысленным взором во весь свой средний рост встал Михаил Борисович Пиотровский в пиджаке болотного цвета и интерьерах эрмитажного лектория. Поправляя очки, сей ученый призрак изрек: «Если зороастриста правильно похоронить на вершине уте-

са без доступа к земляным червякам, его душа непременно сольется с Ахурамаздой». Смутное воспоминание еще из тех прекрасных времен, когда я всерьез отличал сасанидов от селевкидов. Следом за Михаилом Борисовичем место на воображаемой кафедре заняла Валентина Евгеньевна Матросова², мой преподаватель классической философии. Надрывно и иронично перевесившись через трибунку в университетском актовом зале, сия почтенная мегера молвила следующее: «В диалоге „Федр“ Платона предложена мифологическая картина, отражающая существование бессмертной души. Душа изначально пребывает в сфере чистого бытия, не причастного ничему временному и меняющемуся, в царстве чистых форм, идей или эйдосов. Человеческие души иногда имеют даже возможность заглянуть в занебесную область сверхсущностного бытия, но это дается с большим усилием, и далеко не все они способны на подобное. Души людей из-за своего несовершенства часто падают из сферы чистых форм и вынуждены проводить время здесь, на Земле, вселившись в то или иное тело, но все равно стремятся соединиться в цельности Эрота». Точно-точно. Древние мудрецы учили нас, что всемирная душа распределена равномерно между всеми без исключения людьми на свете. А потом уже дотошные и узколобые христиане слепили из нее по частям

² Помимо всего прочего, Валентина Евгеньевна была искренне убеждена, что по-настоящему интеллигентный человек просто обязан знать разницу между «трансцендентным» и «трансцендентальным».

единого Бога...

Меня не покидало смутное ощущение, что я все это уже где-то слышал. Что Димина теория глубоко вторична и была многократно восславлена и развенчана на сотнях и тысячах не читанных им страниц. Чтобы донести эту несложную мысль до товарища, я решил оставить в покое древних философов и привлечь в свидетели кого-нибудь более современного и популярного...

– Мне это напоминает книжку «Империя Ангелов»... Вербера, кажется, – вслух продолжил я, – там примерно такой же заход был, там...

– Писатели все немножко пророки, – Миронов не дал мне договорить, – они что-то чувствуют. Эта перегородка между полушариями, она не совсем непроницаема, что ли. Какие-то сигналы могут проходить сквозь нее и, искажаясь, трансформироваться в различные истории. Откуда берутся сказки, книги про параллельные миры, та же фантастика, которую ты так любишь? Вообще все творчество, если вдуматься? Из левого полушария! Воспоминания прошлых жизней, знания о смежных измерениях, которые содержатся в левом полушарии, – они как бы цепляют сознание сквозь междинную перегородку. Подобные видения туманны и неясны, как отражение в старом зеркале, но обретают в голове автора вид фантастических сюжетов. Толкиен твой, например, явно видел что-то, выходящее за пределы известного нам пространства. И не случайно тема само-

пожертвования – ключевая во «Властелине колец». Долгий путь к трудной цели, осознание собственного предназначения и принятие выбранной судьбы. А в конце этот... хоббит отправляется в запредельные, недостижимые для смертного области, то есть как раз в объятия Абсолюта. Очень четкая аллегория.

Мне вспомнилось, что сам профессор утверждал, будто перестал пользоваться аллегориями с тех пор, как стал слишком ленивым, чтобы их замечать. Но как таковая мысль о том, что в некоторых книжках мир Духа просвечивает, будто призрак, сквозь бледное лицо автора, показалась мне на удивление гармоничной и правильной. В этой идее, по крайней мере, заложен поэтизм, а именно он – основа любого волшебства. Древние маги и колдуны всех племен и народов, сплетая свои неизменно ритмичные и зачастую рифмованные заклинания, не стали бы тратить время попусту на ненужные красоты. Если нужно найти точки стыковки реального и волшебного, я бы начал искать там, где буквы красиво складываются в слоги, а слоги – в рифмы.

– К тому же возможна связь с гидами, – продолжал свою лекцию по метафизическому естествознанию Дмитрий. – Тот же гипноз. В гипнозе практически любой человек может увидеть свои прошлые жизни. Существуют еще медиумы. Это такие люди, которые способны разговаривать с миром Духа, находясь в глубоком трансе. Они как бы умеют выискивать бреши в сплошном заборе, который воздвигнут

между нами и Великим Университетом. По сути, медиумы – сбой в системе. Связи между мирами быть не должно, так же как и связи между полушариями мозга.

Тем временем я понял, что мы окончательно потерялись. Местность вокруг выглядела совершенно незнакомой. Теперь мы ехали вдоль какого-то длинного водоема – то ли речки, то ли вытянутого озера, а может, берега залива. Сама дорога казалась мне трагически живописной. Она была мрачна, словно иллюстрация к готическому роману, посыпана мокрой хвоей и явно не вела туда, куда надо, как и положено всем таинственным дорогам. Миронова это не смущало. Он воспринимал путь как часть приключения, не ставя перед собой задачу непременно попасть из точки А в точку Б как можно скорее. Лишние два часа в машине были для Димы ничем не лучше и не хуже, чем два часа в Антошиной гостиной рядом с небольшим камином, который от века служил мне погребальным костром лета.

– Самое интересное в том, – Миронов все не унимался, – что мы наверняка уже встречались в прошлых жизнях. Там у них, в мире Духа, все разделены по группам и помогают друг другу прокачивать качества на инкарнациях. Скорее всего, мы с тобой и есть как раз такие вот одnogруппники, а потому нужны друг другу зачем-то здесь, на Земле.

Я вспомнил, что Дима уже больше года не отдает мне двести пятьдесят тысяч рублей долга и, видимо, помогает таким образом прокачать бескорыстие, терпение и нестяжа-

тельство.

– Души еще до воплощения договариваются, каким образом будут взаимодействовать в нашем мире. Кто кому будет матерью, отцом, женой, другом, врагом и так далее. Все это нужно, чтобы отыграть определенные сценарии и помочь развить качества. И чем более суровый замес, тем круче прокачка. Некоторые отправляются сюда, как на курорт. Просто задолбал этот трэш и хочется одну-две смены порелаксировать. Часто души так поступают после особо жестоких инкарнаций. Например, могут одну жизнь провести в теле какого-нибудь калеки из Индии, а потом воплотиться в дочке банкира, которую балуют с раннего детства и до самой смерти. Но это неэффективно. Бесплезная трата вечного времени. Вспомни своих друзей, у которых дочка – инвалид. Ее родители явно прокачивают терпение и безусловную любовь, а сама девочка – смирение с судьбой. Это очень смелый шаг – выбрать себе такую стезю, но она реально рванет вверх по Великой лестнице после этой инкарнации, если сможет завершить программу. У каждого из нас базовый сценарий прописан, основные вехи намечены. Наша цель – в рамках заданных вводных максимально реализовать выбранный сценарий. Именно поэтому карма вовсе не есть какая-то кровавая и неминуемая расплата за прегрешения в прошлых жизнях, как думают некоторые духовно богатые девы из числа тех, что пишут вконтакте «+500 к карме за репост». Карма – это сознательный выбор каждой души. Это

стремление самостоятельно искупить те ошибки, которые были совершены в предыдущем воплощении. Сам Будда говорил, что карма очень сложна и нужно учитывать огромное количество факторов, чтобы понимать, как тот или иной поступок отразится на судьбе человека в одной из следующих жизней. Но для облегчения восприятия концепции людьми с «обычными духовными возможностями» он проповедовал максимально просто: «Плохие поступки ведут к плохим последствиям».

А теперь самый важный момент: перед воплощением нам всегда стирают память о прошлых инкарнациях и о самом мире Духа – это условия системы. Нам кажется, что все по-настоящему, а на самом деле наша жизнь – просто игра. С этой точки зрения никакого смысла копить материальные ценности я вообще не вижу. Наоборот, нужно максимально настроить себя на режим отдавания. Самые крутые души – всякие отшельники, старцы и прочие столпники.

Ну что ж, рецепт праведника по-Мироновски был мне теперь предельно ясен. Смешаем блаженных и юродивых всех мастей в блендере людской ненависти и презрения, присыпем тертым альтруизмом и отольем в формы хилых тел. Кого мы получим? Ответ прост: платоновский Юшка – малахольный полудурок, который не пил чаю и не ел сахару, чтобы кормить и учить девочку-сиротку. Человек, перепутавший ступени пирамиды Маслоу. Его, чахоточного, отправил на свидание с Абсолютом московский прохожий, походя пнув в

грудь подкованным кирзовым сапогом. Сюжет, вызывающий выделение влаги из глаз. Я представил себе планету, населенную юшками, и, будучи человеком с экономическим образованием, немедленно смутился вопросом:

– Блин, Димон, если все будут только отдавать, откуда возьмутся производительные силы? Прогрессом движет конкуренция. Если люди перестанут чего-либо желать и стремиться к достижению результата, как общество будет существовать? Что мы будем производить и зачем? Где стимул? Все будем кушать дикий мед и саранчу? Тебе не кажется, что здесь присутствует какое-то наебалово?

– Игорек, наебалово – это один мой знакомый, который дважды на бумаге построил один и тот же колумбарий. А это... Ты просто не понимаешь, насколько продуктивным может быть человек, находящийся в состоянии равновесия. В этом состоянии ты четко осознаешь иллюзорность, искусственность, ненастоящую природу желаний, связанных с мотивацией «иметь» или «получать». Но в то же самое время и с той же силой абсолютно четко понимаешь, что только желание отдавать действительно доставляет тебе безграничную радость. Не важно, кому отдавать. Не важно что. Просто хочется делать добро для других и получать от этого невероятный приток внутренней энергии.

А еще, находясь в наблюдении, испытываешь безграничное и всеобъемлющее чувство любви ко всему сущему. Не животную эмоцию страсти, а желание дарить счастье и ис-

кренне радоваться за других. Любовь, которая не требует условий, чтобы быть, – безусловная любовь. Именно безусловная любовь, любовь ко всем граням мироздания служит ядром состояния чистого равновесия. Таким качеством обладают дети до тех пор, пока не познакомятся со множеством «собак» нашего мира, забывая о своем истинном природном коде. Поэтому, находясь в равновесии, ты будешь работать просто так – на благо людей, не для себя. Для всеобщего кайфа. Блаженны нищие! Слышал такое? Они всё отдали.

Меня уже просто воротило от всех этих слов. От любви, благодарности, отдавания, радости, добра и счастья. Иногда так сладко, что становится гадко. Появилось неприятное чувство, будто меня пытаются насильно накормить какой-то приторной шнягой. Захотелось сказать что-нибудь непоправимо скабрешное, чтобы не дать устаканиться воцарившейся вдруг елейно-благодостной атмосфере и, чего доброго, не потонуть в этом липком сиропе. Дима говорил о любви так, словно описывал героиновый приход. Я вспомнил питерских бомжей и трущобы индийских городов. Ну гадость же! Я не видел бразильских фавел, но могу легко себе их представить по книжкам Жоржи Амаду. Мне всегда казалось, что такие места – просто язвы на теле планеты, рассадники гноя и тлена. Древние цари предпочитали сжигать трущобы вместе со всеми их обитателями, чтобы не дать расползтись заразе. А тут выясняется, что по всяким помойкам тусуются в основ-

ном крутые ребята на сложности nightmare. И судя по численному соотношению бедных и богатых, большинство душ – отличники, которые не прогуливают семинары, а устраивают себе настоящий трэш во время очеловечивания. Я покачал головой.

И задумался о том, что, видимо, моя бывшая жена – либо совсем молодая душа, либо мы с ней еще до воплощения договорились о том, что на инкарнации она будет наматывать мои нервы на свой маленький кулачок, а я развивать терпение, смирение и другие никому не нужные свойства вечной души. Если посмотреть на ситуацию с такой точки зрения, получалась интересная картина: бедная девушка пожертвовала целой жизнью, ради того чтобы помочь мне. Надо будет не забыть сказать спасибо, когда помру.

Мы тем временем вроде бы нашли нужную дорогу. По обе стороны от нее располагались мокрые песчаные отвалы метра полтора высотой, поросшие папоротником. Непосредственно за отвалами начинался редкий и хилый, словно Димины зубы, лес. Солнце скрылось, но и дождь не начинался. Было просто мрачно, сыро, и очень хотелось выпить.

– Если все будут работать на благо друг друга исключительно с целью отдать, – сказал я после паузы, которая затянулась и требовала заполнения, – это ж коммунизм какой-то получится, не иначе.

– Все верно, – обрадовался Димон. – Есть мнение, что Советский Союз был ничем иным, как попыткой построить

экономическую систему, которая максимально соответствует истинным задачам человечества. Ничего не вышло, конечно, но именно коммунизм идеологически намного лучше капитализма, который по сути своей люциферичен. Понимаешь, в чем дело: они там, наверху, проигрывают.

– Кому проигрывают?

– Я не знаю кому, но знаю, что проигрывают. Души не справляются с задачей. Слишком мало людей живет в наблюдении и отдавании. Випассана известна единицам, коммунизм не построился, безусловную любовь никто не исповедует. Из-за этого Земля обречена. Если мы не сможем прокачивать души и отправлять их наверх, то там окончательно проиграют. Тогда пиздец наступит и на физическом уровне. Конец света. Помнишь чуму в средние века? Пандемии холеры? Это все очень похоже на призыв, тотальную мобилизацию. Боссам тонкого мира просто нужно иногда разом забрать как можно больше правильных парней наверх. Как на войну. А сейчас все наоборот – они из тонкого мира присылают крутые души на Землю, чтобы как можно больше оказалось добра здесь, у нас, чтобы мы учились любви и благодарности. Но все равно баланс пока не наступает. Люди желают иметь предметы и обладать вещами. Система устроена таким паскудным образом, что души, попадая сюда, забывают свое настоящее предназначение и стремятся заполучить материальное благополучие в рамках одной, отдельно взятой жизни. Общество потребления, капитализм, консью-

меризм, конкуренция, корпорации... Это все порочно, потому что не располагает к развитию духовности. Вот и получается, что миллионы воплощений проходят впустую. Или еще хуже: те души, которые на протяжении многих инкарнаций не развивают в себе нужные качества, становятся «черными» и угрожают равновесию Абсолюта. А все оттого, что мы не помним, зачем посланы сюда. Люди, осознавшие, что земная жизнь – не более чем игра, моментально выпадают из социального оборота и начинают заниматься совсем другими вещами. Поэтому так важно открыть сплошную память, понять свое предназначение и развить правильные качества. Что мы делаем здесь? Зарабатываем деньги, суедемся, ползем куда-то, строим карьеру? Но это же абсолютно бесполезно с точки зрения жизни вечной и там, наверху, не засчитывается. Понимаешь, Игорек? Это все равно что просрать свою жизнь на игру в «Монополию»!

На этом месте Дима замолчал. Я очень обрадовался и больше не задавал ему никаких вопросов, опасаясь быть затянутым в заговор по спасению бедняги Абсолюта от черных душ. У меня возникло такое чувство, будто меня вымазали в каком-то сладком и необыкновенно вонючем дерьме, которое можно смыть с себя только большим количеством виски.

Последний отрезок нашего карельского анабассиса мы проделали по совсем убитой неасфальтированной дороге, огибая гигантские лужи. Я вспомнил, что уже ездил здесь два года назад, когда мы с Антошей, треснув ЛСД, решили

покататься на велосипедах по лону природы. Миронов наконец отвлекся от своей метафизики, сконцентрировавшись на рулении, а я понял, что страшно устал от поездки. Не иначе, вмешалась эльфийская магия, скривившая нашу траекторию таким странным образом, что короткий путь занял почти три часа вместо обычных сорока минут.

Остаток вечера не оставил в моей памяти никаких особенных воспоминаний, смешавшись с десятками подобных вечеров в годы предшествовавшие и следовавшие. Помню только, что Дима уселся перед камином с книгой того самого Майкла Ньютона, в которой делал пометки синей ручкой. Кажется, я упрекнул его в недружелюбии, дескать, как же так – «полгода не виделись, а ты уткнулся в свою беллетристику». В ответ Миронов закрыл книгу, уставился на меня злым взглядом подпольного революционера и сказал без тени любви: «Ну давай. О чем ты хочешь поговорить? Предложи тему!» Меня это не обидело. Я привык считать обиду неконструктивной и непродуктивной эмоцией, порождающей лишь бессилие. Обиде я предпочитал злость. В данном случае злиться стоило на себя. Я действительно не мог на заказ предложить моему другу, подвижнику от перерождений, некую тему, достойную его ума, озабоченного нынче проблемами спасения мироздания. Хотя есть смысл признаться: мне вообще не по силам предложить интересную тему для беседы кому бы то ни было. Меня поэтому и жена бросила.

Дима, похоже, нашел наконец свою религию. Он сам сле-

пил ее из ошметков НЛП, кусочков буддизма, дворового оккультизма и популярных теорий о перерождении. Я несколько не сомневался, что ему, отчаянно витальному человеку, так и не принявшему мысль о смерти, стало-таки немного легче. Отдав концы, умирать насовсем не придется. Возьмут наверх, почешут за ухом и всё простят. Объяснят основные ошибки, пожурят отечески и со словами «любовь и благодарность» отпустят назад век вековать в теле наследницы учредителя Мособлбанка. Но я не мог не восхититься тем, как этот плутишка-философ без устали ищет способы обмануть собой же выдуманную структуру, находя прорехи и стропильки в устройстве тонких пластов реальности, которые расплодились в его голове.

Дима всерьез решил просветлиться и с этими целями отправился зимой 2013 года на Бали. Перед отъездом он позвонил мне и попрощался, не уверенный, что вернется назад тем же существом, которым уезжал. Еще прислал письмо для своего гуру (характерно, что товарища зовут Кумар) и попросил меня перевести это письмо на английский язык, коим сам владел не вполне. Вот текст письма. Из него несложно сделать вывод о том, сколь серьезным было намерение Дмитрия Сильвестровича объединить полушария в мозгу.

Dear Damodaran Vasanth Kumar

Меня зовут Дмитрий, я пишу Вам из России. Я проходил у Вас курс Випассаны в Дхарамсале во второй

половине августа 2012 года.

В декабре этого года я планирую поехать на Бали, чтобы начать длительный курс Випассаны, который я буду проводить самостоятельно.

В связи с этим я хотел задать Вам несколько вопросов, которые у меня накопились с момента окончания курса. Буду Вам крайне признателен, если Вы сможете мне на них ответить.

1. Правильно ли я понимаю, что после стадии, когда мы можем водить ощущение обруча на поверхности тела сверху вниз и снизу вверх, идет стадия, когда мы помещаем внимание внутрь тела и продолжаем водить обруч вниз и вверх, но уже не только по поверхности тела, но и внутри тела.

2. Что идет после этой стадии, когда ощущения движения поперечного среза уже очень хорошо проявлены?

3. Как перейти к стадии банго, описанному у Гоенкаджи?

4. Когда уже наступило состояние банго, что конкретно нужно наблюдать, при том что и вся поверхность, и все внутренности вибрируют?

5. Что делать, когда санкары состояния банго уйдут и ощущения уйдут вместе с ними? Не получится ли так, что я буду наблюдать и дальше разные участки тела, но они не будут давать отзвуки на уровне ощущений, по причине того что многие санкары уже проработаны?

Дальше идут 3 вопроса, которые касаются уже очень высоких стадий, и если вы знаете ответы на эти вопросы, я был бы Вам также очень признателен:

6. Что происходит после состояния банго и до момента просветления? С чем можно столкнуться и к чему надо быть готовым?

7. Что предшествует непосредственно состоянию просветления, а также что запускает процесс просветления? Что может служить катализатором этого процесса, то есть какая внутренняя ментальная настройка может способствовать тому, чтобы состояние просветление наступило?

8. Я слышал, что состояние просветления наступает, когда достигнута полная тишина внутри, или по-другому – состояние чистого созерцания. Не значит ли это, что в какойто момент нужно перестать наблюдать и просто находиться в состоянии созерцания? Если это так, то как определить этот момент и как перейти в состояние чистого созерцания?

Заранее спасибо Вам за Ваши ответы,

С уважением, Дмитрий

Думаю, господин Кумар, прочитав письмо, мог бы предположить, что Дмитрий из России воспринимает просветление как некий сугубо технический процесс, типа экстракции масла. Весьма близко к истине! Миронов был убежден, что

просветлению можно научиться, если найти где-нибудь правильный конспект, а духовный рост приложится сам собой по ходу процесса. Я честно перевел письмо на англо-индийский язык и отправил на электронную почту просветленного гуру, особенно усердно размышляя над разницей между «наблюдением» и «созерцанием», которая не до конца ясна мне даже по-русски.

Наш доморощенный бодхисаттва уехал на Бали и вернулся до противного прежним, хоть и убежденным в верности выбранного пути. Экспресс-курс просветления не удался, но это не пошатнуло Диминой маниакальной веры в неизбежность перерождения. Следующие пару лет я только и слышал от него удивительные истории про таинственные пророчества, нашептанные всеведущими гидами, а также рассказы о почти библейских чудесах исцеления болезненных чириев, которые неоднократно случались в результате вежливого общения с миром Духа.

Мионов наладил прямой широкополосный канал связи с ребятами наверху посредством одной нашей общей знакомой по имени Катя, которая в обычной жизни промышляла торговлей соевыми порошками по методу MLM. Катя оказалась каким-то универсальным медиумом третьего типа; она играючи входила в гипноз и оттуда вещала непосредственно устами чуть ли не самого Абсолюта. Из столь достоверного источника мы доподлинно знали, что кризис в России

продлится три года, мультивселенная конечна, а США развалится на отдельные штаты не позднее 2020 года. К сожалению, Дима каждый раз забывал спросить гидов, когда нужно покупать, а когда продавать баксы, не то мы все непременно бы озолотились.

Стоит ли говорить, что я сразу как-то проникся легким недоверием к этой спиритической телефонии. Почему? Да хотя бы на том основании, что мне просто-напросто запахло верить в существование высших сил, которые готовы опуститься до кухонной болтовни со всеми желающими. Если могущественное существо желает высказаться, оно топит Нуменор.

На ниве волшебных исцелений тоже были определенные успехи. Болтали самое разное. Неизлечимые болезни излечивались быстрее, чем пациент успевал сказать слово «оксюморон». У многих граждан, доселе пребывавших в состоянии глубокой депрессии, наблюдался небывалый духовный и творческий подъем, девушки навсегда избавлялись от избыточной растительности на лице, а у одной знакомой старушки с Сенной восстановился менструальный цикл, и она рассказала Диме, что ночью летала на шабаш. Меня несколько раз звали посмотреть на чудеса нетрадиционной духовно-прикладной медицины. Ведь гидов из тонкого мира достаточно было только попросить об излечении больного физического тела, и оно, излечение, таки непременно наступит.

ло при помощи гипноза и йодной сетки. Один раз в исследовательских целях даже решили запустить до непотребного вида некое нагноение локтя у одного знакомого по кличке Мамед, который лично мне был известен как первейший барыга по части травы. Чудо намечалось прямо у Кати на дому, но я его не дождался – дело было во вторник, диалог с гидами затягивался (видимо, какие-то бюрократические проволочки – я ж говорил, что никакая иерархическая структура не возможна без системы служебных записок, резолюций и реляций), а я убежденно работаю в пятидневном режиме. Свершилось колдунство или нет, мне доподлинно не известно, знаю лишь, что Мамеда успешно прооперировали в Первом меде через два дня после магического сеанса.

Поучительна также история про одного из Диминых друзей по имени Паша, который умудрился к тридцати трем годам занять диагноз «хронический алкоголизм» на почве неустроенности в личной жизни, возникшей по причине пристрастия к спиртному. Паша слыл ближайшим Мироновским товарищем еще со школьной скамьи, несмотря даже на то что учились они оба в обыкновенной общеобразовательной гимназии, где сидят исключительно на стульях. Он время от времени баловал публику глубокомысленными бессмыслицами в духе позднего Ларошфуко (например: «Смерть есть лучшее средство от бессмертия» или «Пока вы не начали носить с собой нож, он вам никогда не при-

годится») и утверждал, что знает точную дату конца света (30 февраля 2021 года), а потому не имеет интереса к жизни. Паша вечно находился в состоянии напряженного внутреннего поединка, надеясь дождаться своего звездного часа и застать подсознание врасплох, поэтому время от времени включал на кухне газ и остервенело молился Макоши. Впадал в спячку зимой аки медведь, исповедовал странную смесь буддизма с сатанизмом, а также, будучи вполне зрячим, почему-то предпочитал писать шрифтом Брайля. Следует сказать, что я всегда относился к этому гражданину с равнодушным пренебрежением, подобным тому, какое испытывает дама за рулем Porsche Cayenne Turbo S к пассажиру метро. Воспринимая Пашу как часть ландшафта, я стремился избегать его общества до тех пор, покауда позволяли рамки приличия, которые, впрочем, никогда не были для меня слишком тесными. Единственным пригодным навыком, которым обладал Павел, было умение вполне сносно играть в преферанс с легким уклоном в прогрессирующие распасы и тягой к суицидальным мизерам. Но на этом его социальная адаптация как бы и заканчивалась. Оставаясь абсолютно индифферентным к жизни этого доморощенного и никем не понятого нигилиста от шмурдяка, я с некоторым запозданием узнал о том, что Дима организовал целый полевой штаб по спасению пропащей Пашиной судьбы. Методом дружеского фандрайзинга Миронов собрал немалую сумму денег, на которые... несчастного алкоголика отправили про-

ходить курс випассаны в Индии. По сообщению очевидцев, эффект лечения оказался настолько мощным, что пациент был замечен бегущим голышом в приступе белой горячки по аэропорту города Ченнаи перед обратным рейсом. Глубокая пассионарность моего друга легко воспламеняла сердца людей на подвиги и направляла их коллективные усилия в совершенно неожиданное русло, где эти усилия, как правило, и пропадали втуне. Члены инициативного кружка имени Эрнеста Хемингуэя развели руки по сторонам света и со словами «мы хотя бы попытались» вернулись к своим ежедневным делам, исполненные ощущением того, что купили себе по небольшому кусочку неба.

Помимо всего прочего Дима обзавелся новой свитой. Но на этот раз она состояла не из профкомоских проходимцев, как в университетские времена, и не из мелких, вечно накуранных жуликов, какие окружали Миронова в эпоху вторых выборов Матвиенко. Теперь в непосредственной досягаемости моего обоняния появились самые настоящие маги, гипнотерапевты, психоастрологи и прочие духовно богатые люди. Один из них, по имени Костя, брался за пять тысяч рублей восстановить генеалогию респондента вплоть до динозавров. Он проникал в такие глубины прошлых жизней, куда доступ был заказан даже всемогущей Кате. С помощью своей уникальной методики Костя способен был досконально понять психологические проблемы клиента и давал бесценные

советы, как тому жить дальше. У одного моего знакомого он обнаружил инопланетное происхождение от разумных кольчатых червей с планеты Плюк. Дима уговаривал меня пройти сеанс полного погружения в астральное с Константином и даже предлагал оплатить услуги мага. Я неизменно отвечал лишь, что готов принять лохматого колдуна у себя дома и буквально за пятьдесят тысяч рублей помочь тому критически посмотреть на свою жизнь: мужику-то было под полтинник, а у него ни семьи, ни детей.

Другая – Наталья. Наталья славилась умением распутывать самые замысловатые семейные проблемы и считала себя психологом. Мой старший брат, чей старый брак в те годы разваливался еще быстрее моего собственного, поддавшись на Димины уговоры, решил прибегнуть к услугам семейного психолога Натальи прямо у нее на дому. Максим (так зовут моего брата) изрядно удивился задрипанному виду жилища прогрессивного специалиста, а сеанс прервал сразу после того, как на свет божий из недр ее дырявого халата появилась колода таро. Наталья консультировала и самого Дмитрия, чей брак, видимо благодаря усилиям ведьмы, продержался на полгода дольше Максова. Стоит ли говорить, что великий семейный психолог Наталья также была не замужем?

Существовала и еще какая-то более мелкая нечисть, которую я уже не помню. С Мироновым стало непросто встре-

титься вьяве. Если он не пропадал в Индии, то непременно был задействован в сеансах прикладной магии выходного дня. Димина судьба, мелькавшая передо мной словно в ускоренной перемотке, содержала слишком много имен, событий и персонажей, чтобы я мог уследить за всеми. Мы синхронизировались по скорости жизни лишь в моменты нечастых встреч, чтобы потом продолжить наш путь в необъятном космосе на разных частотах и орбитах. Трудно сказать, что нас связывало кроме памяти. И мне, и ему было ощутимо дискомфортно находиться рядом друг с другом. Дима тяготился ртутно-желейным течением моих будней, я же считал его недостоверно суматошным и истерично деятельным для человека, выбравшего путь самосозерцания и внутренней гармонии. Если верить Мироновской теории, наши вечные (вопреки мнению Будды) души породнились еще в Великом Университете и там же договорились обтяпать друг для друга какие-то сомнительные делишки на инкарнации, а потому, хотели мы этого теперь или нет, но наши земные тропки причудливо вились и прихотливо сплетались в соответствии с планом, а мы сами, верные предначертанному, снова и снова сходились в одной точке пространства-времени, отмечая вехи пути.

Я проще смотрел на вещи и никогда не задумывался над тем, является ли мой жизненный путь лишь результатом предварительного сговора группы не обремененных телами лиц или же я самостоятельно несу ответственность за свою

собственную уникальную и неповторимую судьбу. Косный в мелких привычках, щепетильный частник, я всего-навсего оберегал то, что считал своим, запертым в периметр личного тщеславия. Не мог признаться себе, что потерял одного из немногочисленных друзей, ровно так же как несколько лет спустя не смог признаться себе в том, что потерял жену. Не так уж много было вещей, которые я ценил, не так много сокровищ, чтобы ими сорить, не так много людей, которых стоило бы беречь.

Сейчас, в марте 2015 года, моя хорошо отремонтированная квартира уже начала постепенно превращаться в холостяцкую нору, как это неизбежно происходит с любым жильем, лишенным женской руки. Вот почему Миронов, переступивший порог в своих оранжевых штанах и с огромным бонгом, торчащим из рюкзака, не рисковал нарушить семейную идиллию своим появлением. Не могу сказать, что употребление эйфоретиков в моем доме стало событием рядовым, но оно последнее время случалось всяко чаще, чем употребление домашнего борща. И вовсе не по той причине, что лично я предпочитаю щи. Дима со своим предложением закинуть MDMA был для меня гостем одновременно желанным и тревожным, как эсэмэска о беременности. Дальше вы знаете, повторяться не стану. Миронов явился, подобный тропическому шторму, и, словно рыбацкие лодочки, расшвырял нас всех по разным комнатам. Коля с Сере-

гой нашли уют в гостиной, а мы с виновником переполоха оказались сидящими бок о бок на икеевском диване напротив окна, горящими изнутри и наблюдающими набоковски болезненную асимметричность светового пятна от мягкой лампы на шпонированной поверхности моего письменного стола в кабинете.

Меридия четвертая

Новое время и новое место

*Отсвистели, отгремели
И застыли в вышине
Годы, призраки, метели,
Не вернетесь вы ко мне.*

А. Лобачев

*Санкт-Петербург, Российская Федеративная
Империя, 2091 г.*

Иисуса мы пытались спасти четырнадцать раз. Все безуспешно. Старый хрыч Варистов, директор по пропаганде и освещению, он же главный проповедник Теории предрешённой Вселенной, уже написал служебный рескрипт на финансового директора НВМ с предложением о сокращении субсидирования программы регрессионного модулирования истории. Терпение заканчивается у всех. Успехи программы неоднозначны, и мы вынуждены тратить все больше усилий на их интерпретацию в позитивном ключе.

Я читал аналитический отчет по статусу развития Парадигмы за третий квартал 2124 года в бумажном виде. Наши регрессологи утверждают, что таким противоестественным образом проявляется тяжелое наследие инкарнации седьмо-

го колена, когда моя душа гостевала в теле библиотечного работника. У меня нет возможности проверить их утверждение. Мне, как директору НВМ по коррекции, уставом запрещено просветление. Считается, что я могу использовать сплошную память в личных целях вплоть до фальсификации данных о модулировании.

Отчет казался вполне стандартным. Он начинался с преамбулы, содержащей информацию об основных мероприятиях НВМ за отчетный период. Далее шли аналитические сводки по состоянию мировых религий, воронка обращения в разрезе макрорегионов, а также расчетный баланс люциферичности мира на 31 сентября.

По решению Ложи директоров коррекционные мероприятия уже были секвестрированы в третьем квартале отчетного года с целью измерения чистого органического роста проникновения Парадигмы. К моему ужасу, отчет практически однозначно свидетельствовал о том, что наметившийся в первом и втором квартале позитивный тренд сохранился и может считаться естественным. Более того, отмечалось рекордно низкое увеличение индекса люциферичности. Такого не было даже в первом полугодии 2121 года, когда после беспрецедентно удачной коррекции по Первому Пророку количество буддистов на территории Индии повысилось на невероятные 12,3 процента.

Воронка обращения также выглядела чуть лучше по отношению ко второму кварталу, что объяснялось как эффектом

сезонности (летом лагеря випассаны в северном полушарии традиционно посещались лучше), так и усилением расходов на Пропаганду и Освещение. По мировым религиям ситуация выглядела стабильной. Парадигма прирастила около 0,5 процента инкрементально (из атеистов и агностиков), доля религий вторичного обращения (буддизм и индуизм) осталась прежней, религии третичного обращения (ислам и христианство) чуть упали в доле.

Я налил в фирменную энвээмовскую кружку с надписью: «Любовь и Благодарность» чая из неостывайки и вышел на балкон своего кабинета. День вышел пасмурным, и устье Невы отливало асфальтовым глянцем. Доминирующим элементом пейзажа над рекой нависла угрюмая громада нового «Крестовского». Не знаю кому как, но лично мне всегда был милее старый уютный стадион с его допотопной раздвижной крышей. И ведь простоял больше ста лет – умели же строить в начале двадцать первого.

Балкон моего офиса находится достаточно высоко, чтобы не слышать шума мегаполиса внизу. Здесь я могу думать спокойно. А подумать было о чем. Эйфория от первых коррекций окончательно испарилась на фоне пусть не таких громких, но перманентных успехов в области пропаганды и GR³. Динамика открытия крупных центров випассаны, лекториев и сезонных лагерей оставалась по-прежнему впечатляющей. Джиарщики во главе с Сергеем Николаевичем

³ Government Relations

Старцевым не только взяли под контроль почти все основные центры буддизма в юго-восточной Азии, но и создали уникальный прецедент: Парадигма стала официальной идеологической доктриной Шри-Ланки, что и было зафиксировано в ее Конституции не далее как на прошлой неделе. А у нас что? Ньонская операция? Так это когда было!

Я понял, что рискую выйти из созерцания, и привычно пронаблюдал верхнюю часть тела четыре раза в обе стороны. Не хватало еще свалиться в отрицание – тогда на следующей Ложе директоров не избежать проблем. Варистов со Старцевым непременно возьмут аналитический отчет на щит и постараются обрезать финансирование Коррекции по максимуму, а если я помогу им негативным мышлением, дело можно считать решенным. Радовало то, что Главный все еще безоговорочно верил в необходимость исторических модуляций. Скорее даже не верил, а просто знал нечто важное, о чем не мог пока сказать даже мне.

Чай остыл, но я воспринимал его горячим. Не так уж сложно для человека с точкой сборки чуть ниже уровня глаз. Эра Водолея набирает силу. Теперь почти каждый немного маг, но далеко не каждый об этом знает, а пользоваться новыми возможностями способны по-прежнему единицы. Успехи НВМ впечатляют, но до Минимального числа Эггера мы все равно доберемся не раньше чем через 70 лет при условии сохранения основных трендов. А текущая динамика индекса люциферичности неумолимо свидетельствует

о том, что товарищ Сатана собственной персоной явится к нам в образе страхового агента лет через двадцать максимум. Нелегко быть пастухом для стада овец, которые, соблазняясь новой свежей зеленой травой, плетутся к обрыву, даже не замечая его. Не замечают, потому что головы у овец опущены вниз – они щиплют траву. Некоторых удастся окликнуть и остановить, но этого недостаточно, чтобы все стадо развернулось.

– Кирилл Игоревич, – в кабинет вошла секретарша Катя с папкой бумаг и моим расписанием на день. Красивая, как и все прочие неинициированные сотрудницы НВМ. Зубы свои, но идеально ровные. Грудь безупречной формы, прикрытая лишь тончайшей тканью модной туники в облипочку, и точеные бедра, затянутые в светло-зеленые шорты а-ля неосексиробингуд. В противоположность всем корпорациям мира, где такие дамы работают украшением офиса, в НВМ им отводится функция ходячего тренинга по отказу от желаний. Любое проявление интереса к подобной особе исключено просто по факту моей должностной инструкции.

Я взял лист с расписанием. Через полчаса начинался вводный тренинг по Коррекции для новоинициированных сотрудников, который я обязан вести лично как глава функции. Затем часовой перерыв на обед, полчаса на випассану, потом доклад главного гипногуру из Индии на тему новейших изысканий в области сверхглубоких регрессий. В половине четвертого еженедельное совещание по статусу пер-

спективных проектов... Ну что ж, вполне стандартный распорядок дня высокопоставленного сотрудника религиозной корпорации. Повышенный интерес вызывал разве что доклад нашего пожилого брахмана, который ждали уже давно, предвкушая серьезный прорыв в вопросе об онтологии души. Сверхглубокие регрессии – крайне трудоемкий процесс, предполагающий погружение в невероятные дали истории. Где-то там, на рубеже сотен и тысяч воплощений, находится некая истертая временем ступенька эволюционной лестницы, начиная с которой к человеческому (или еще не совсем человеческому) телу нежданной гостьей подселилась душа. Как это произошло? Было ли сие поистине великое событие следствием появления у человека сознания, или само сознание досталось нам вместе с бессмертной душой? Рутинный спор идеалистов с материалистами приобрел в стенах НВМ вполне прикладной характер.

Катя протянула мне папку с бумагами. Помимо обычной бюрократической макулатуры был там и сшитый белыми канцелярскими нитками, скрепленный синей печатью отчет о последних операциях по коррекции Большой тройки, который я вчера запросил в архиве. Аналитики прочитали его с лупой и проелозили каждую запятую в поисках зацепок, но я знал, что они упускают нечто важное. Атеист сказал бы: «Думаю, что они упускают нечто важное». Агностик – «Чувствую, что они упускают что-то важное». А я знал. Небольшое преимущество человека, который потратил последние

пятнадцать лет жизни на проработку левополушарных функций. Отчетом я займусь вечером. Ложа директоров назначена на послезавтра – есть еще некоторое время, чтобы подготовиться. Честно говоря, я понимал, что идти мне не с чем. Коррекция противоречит самой сути Парадигмы ровно настолько, насколько наши внутренние дрязги с Варистовым противоречат идее наблюдения. Желание срезать путь к спасению человечества через изменение истории порочно в самой своей природе, ведь спасение должно прийти и пройти через духовную работу каждого человека. Через терпение, через усердие, через прозрение множества людей. Не чудесами, а притчами, как говорил Второй. Но Коррекция так заманчива, так притягательна. Дарит столько удивительных возможностей. В конце концов, кто сказал, что сама Коррекция не может быть предопределена? Ведь все, что происходит, есть отражение одной из Четырех мыслей, а значит, уже было, есть и будет одновременно. Все совершенное и все предписанное уже содержится в Абсолюте. Значит, нельзя оставлять попытки. Я никогда не был сильным теоретиком Парадигмы, но точно знаю, что сама возможность коррекции означает наше право, а может быть, и обязанность использовать эту возможность.

Вернув своим мыслям позитивный вектор, я посмотрел на Катю со всей мыслимой отстраненностью. Она приоткрыла рот и чуть учащенно дышала, губы влажно блестели. Не нужно быть левополушарным кинестетиком со сплошной памя-

тью и магистром НЛП, чтобы понять: самочка думает о спаривании. Я испытал квант жалости к этому «сосуду Нечистого», как, вероятно, выразился бы на моем месте убежденный приверженец христианской аскезы, а затем пронаблюдал свою жалость. Несчастные фанатики-христиане, они подвержены страстям до такой степени, что вынуждены истязать собственную плоть и дьяволизировать женщин, отказывая им в наличии души, лишь бы только усмирить свою похоть и обрести мимолетный покой. Попытка избавиться от страстных желаний подобным способом равносильна попытке лечения слабоумия при помощи клизмы с глицерином. Восприятие определяет реальность. Для меня секретарша лишена малейшей привлекательности, пусть даже самый строгий педант по части женской красоты не смог бы найти в ее внешности ни единой черты, которую можно было бы хоть немного улучшить.

– Кирилл Игоревич, вас в приемной ожидает Паша, – пропела Катя голосом, который наши предки назвали бы ангельским. О! Теперь все встало на свои места и мокрый огонек в глазах моей помощницы получил внятное объяснение.

– Зови, – сказал я и сел за стол подписывать документы. В основном акты оплаты физическим лицам за «участие в эксперименте по регрессионной гипнотерапии», а также счета от страховых компаний. Коррекционное ретрострахование все еще оставалось самым надежным источником доходов НВМ. Очень интересно, на какие шиши Варистов сейчас

гулял бы со своими летними лагерями и субботним шоу в прайм тайм, если бы не наши маленькие шалости по части достоверности истории.

Паша уже зашел в кабинет и теперь мялся на входе, ожидая, пока я отвлекусь от своих бумаг. Меня нисколько не беспокоило его томление. Пусть постоит. Ему просто необходимо тренировать добродетель терпения. До полного отказа от желаний, судя по Катиным глазам, мальчику еще очень далеко. Пожалуй, следует усилить для него курс випассаны, лишним не будет. Я взял в руки последний акт оплаты – в правом верхнем его углу стоял тщательно обведенный красными чернилами жирный восклицательный знак. Лишь по одному этому символу я сразу узнал почерк Андрея Владимировича Слонецкого – моего близкого друга и руководителя ведущей группы медиумов НВМ. А означать сей незамысловатый код мог только одно: человек, которому будет выплачено вознаграждение за участие в эксперименте, есть не кто иной, как носитель души, пригодной для коррекции на уровне Большой тройки. Я ощутил, как подушечки моих пальцев покрылись липким потом, а температура тела повысилась на полтора градуса. Хорошо, что Паша работает у нас неполных полгода, он ничего не заметит. Любой энвээмщик со стажем понял бы с первого взгляда, что меня выбросило из состояния наблюдения, как пробку из бутылки дешевого и теплого французского шампанского. Отложив акт в сторону (нет смысла выяснять детали сейчас – их мне доложат на

дневном совещании), я взглянул на визитера.

– Доброе утро, Кирилл Игоревич, – Паша улыбался мне всеми тридцатью двумя свежевставленными зубами.

– Доброе утро, Павел Сергеевич. Как ваши успехи? Много работы? – вопрос получился риторический и двусмысленный. Паша трудился в отделе релятивного анализа, и спрашивать его об успехах было не менее бестактно, чем интересоваться положением дел у представителя группы работников морга. В их случае ответ «много работы» – это хорошо или плохо? Паша служил одним из падальщиков, стервятников, мрачных жнецов на службе конторы. Интересно, как он запляшет, когда его Катя в результате очередной коррекции окажется Машей или мужиком или вообще решит не вочеловечиваться в нашем времени. Нет-нет, утроить випассану. Талантливый парень, обидно будет, если сторит на эмоциях, с его-то работенкой. 26 лет, кровь с молоком. Крас-савец. Соблазны сами собой его не обойдут.

– Все хорошо, Кирилл Игоревич, – я сделал заключение релятивного анализа по результатам коррекционного локального эксперимента номер 42 07 304312, как вы просили. Ничего особенного, последствия в рамках нормы, но меня заинтересовало кое-что... Я понимаю, вопрос не находится напрямую в области моей компетенции, но справка коллег из отдела сравнительной регрессологии показалась мне неполной... – Паша густо покраснел, его голос постепенно терял громкость по мере продвижения к концу предложения,

и слово «неполной» он выговорил уже почти шепотом.

Я не мог вспомнить не только сути локального коррекционного эксперимента номер 42 07 304312, но и того факта, что просил какую-то справку, поэтому молча взял бумаги из рук Паши и отложил их вправо. Малыш еще не знал, что именно вправо я откладываю только те объекты, которые имеют чрезвычайную ценность и важность, а потому ступал еще сильнее и начал бочком двигаться к выходу из кабинета. Я же, сделав вид, что вернулся к подписыванию страховых счетов, проводил его легким полукивком и почти неслышным «спасибо».

Теперь на моем столе, образуя нерушимый треугольник, лежали три документа, между которыми, несомненно, существовала связь. Я открыл верхний ящик стола, вытащил доску для Лилы и прокидал кубик 6 раз. Впервые за год фишка преодолела третью линию. Я верил Лиле не больше, чем католическому священнику (я знаю, что они оба неправы), но в свои собственные силы верил свято. Только дурак может думать, что фишку на доске двигает проведение мира Духа. Фишку двигает наша собственная магия, рожденная внутренней сечкой. Отчет по Большой тройке, счет на оплату, помеченный восклицательным знаком, и аналитическая справка Паши оказались на моем столе одновременно в строгом соответствии с законом неслучайности совпадений.

Катя снова появилась в дверях кабинета и сообщила, что неофиты собрались в переговорке номер шесть и ожидают

меня. Я убрал доску в стол, отчеты и справку оставил на месте, а счет взял с собой. Попадется этот восклицательный знак в кружочке на глаза кому-нибудь поумнее Кати – не обойтись без слухов и пересудов. Облачившись в форменный щегольски-старомодный дублет с вышитыми на спине орлиными крыльями, я направился в сторону учебного корпуса. От главного здания его отделяет стеклянная галерея, вход в которую расположен на двадцать четвертом этаже Правой башни, что шестью этажами ниже моего офиса. На самом подходе к лифтам меня нагнал своей нарочито энергичной походкой лично Сергей Викторович Варистов, директор НВМ по Освещению, а также PR-гений в черт знает каком воплощении. Варистов с разной степенью достоверности приписывает себе все главные агитационные успехи в истории человечества, кроме разве что создания системы пропаганды Третьего рейха и основания секты Свидетелей Иеговы. Избрание Жака Дюэза папой римским, идеологическая основа большевизма, Великая Французская революция и повсеместное распространение тезисов Мартина Лютера – таков лишь далеко не полный список основных пунктов его резюме. Сергей Викторович морщил лоб из-под очков и жевал нижнюю губу. Мрачного старика одолевали думы, навеянные не только шестьюдесятью пятью годами нынешней жизни, но и доброй сотней жизней предыдущих. Стоило ли удивляться, что методы управления, которые исповедовал Сергей Викторович, устарели еще в средние века?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.